

571-71

Б. 26

В $\frac{38}{231}$

A 4/42

801-18
1884

ПАМЯТНИКИ

НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

въ олонецкой губернии.

Амбл 1886

1455
м.м.м.

Е. Барсова.

891
1886

ОЛОНЕЦКАЯ ГИМНАЗИЯ
Библиотека

С. НЕВЕРБУРГЪ.

№ 217. Типографія Майкова, въ д. Министеръ, Фин., на Дворц. шосе.

1878.

1886

18-18
18-18

B 38
231 C1

18/18
18/18
18/18

Ф 38
231

ПАМЯТНИКИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОБЪ ОЛОНЕЦКОМЪ ПѢСНОТВОРЧЕСТВѢ ¹⁾.

Олонецкая губернія справедливо въ послѣднее время стала обращать на себя вниманіе людей науки. Начиная отъ пѣдръ земныхъ до верха человеческого сознанія и отъ граней холмовъ вѣковыхъ до безчисленнаго разнообразія животной жизни, здѣсь все представляетъ глубокой интересъ для изученія. Но если чѣмъ особенно богатъ этотъ край, то именно разнообразными созданіями народнаго творчества: здѣсь бьетъ оно вкупнымъ ключемъ и разливается въ необозримый океанъ народнои поэзіи, предъ которымъ невольно чувствуетъ свое безсиліе изучающій. Въ эпическихъ старинахъ уцѣляли для насъ тѣ драгоценныя доисторическия преданія, которыхъ нельзя уже встрѣтить ни въ какихъ другихъ источникахъ; въ обрядовыхъ пѣсняхъ и погребальныхъ плачахъ предъ нами рисуется вся душа народа съ ея волненіями, съ ея повышеніями и пониженіями, вся внутренняя жизнь его съ тяжелою обстановкою, съ борьбою противъ стихій природы, противъ силъ обычая и людской неправды.

Ф 41517-3

¹⁾ Читано въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ 30-го апрѣля 1872 г.

„Тамъ вѣдь пренія, родима наша сторона,
„Наша славна сторона Новгородская“¹⁾.

Любопытно, какъ сохраняются здѣсь самыя преданія, и какъ глубоки симпатіи Занежанъ къ былому, древне-русскому быту, здѣсь они видятъ свои идеалы, по отношенію къ коимъ продолжаютъ оцѣнивать свое настоящее. Старики стародревни говорятъ недоросткамъ молодичицъ:

„Послѣхайте словеса наши старинныя,
„Запримѣйте того, малы недоросточки!
„Ужь какъ это спитъ морюшко сбунуется,
„На сплѣтъ морѣ волна да порасходится,
„Будутъ земскіи вси изби испражнятся,
„Скрозеконныи судьи да прислаться;
„Вси измѣнятся пустыни богомольныя,
„Разорятся вси часовенки спасѣныи...
„Кругомъ-около ребята обстоилися,
„Какъ на этлѣхъ стариковъ да оглядятся,
„Ихнихъ рѣчей недоростки прислухались...
„Кои умни недоросточки, примѣтныи,
„Они этни слова тутъ принимали, —
„Объ досюльниихъ законахъ постоянныхъ,
„Объ досюльномъ житѣи Новгородскомъ.
„Сволнявалось сие славное Онегушко,
„Какъ вода съ несомъ помутилася.
„Тутъ вспомнить-то вѣдь малы недоросточки:
„Теперь-ночь да времена-то тѣ сбываются,
„Какъ у старыхъ стариковъ было разсказано“²⁾.

Изъ этихъ поэтическихъ преданій видно, что Занежане дондѣш не потеряли сознанія о своемъ происхожденіи, о своей широкой, затѣйной и хватовой натурѣ, о своемъ прежнемъ житѣи-бытѣи и удаломъ молодечествѣи. Въ этой-то Новгородской природѣи въ этомъ-то народномъ сознаніи кроется первое и ближайшее условіе

¹⁾ Изъ плача о старостѣ.

²⁾ Оттуда же.

для сохраненія здѣсь множества историческихъ и эпическихъ старинъ.

Другое подобное условіе состоитъ въ необыкновенномъ долготѣи, которое составляетъ замѣчательную особенность этого края. Здѣсь отецъ семейства часто видитъ не только внучатъ, но и правнучатъ и праправнучатъ. И теперь живутъ здѣсь великіи старикаща — лѣтъ сто и больше. Мы сами видали тамъ старика 130 лѣтъ. Въ прежне же годы народъ былъ еще шпире, могучѣе и кряновистѣе. Итакъ, стоитъ только представить десять такихъ долговѣкыхъ старикщевъ въ преимственихъ поколѣнїяхъ, и для насъ станетъ ясно, какъ легко могли сохраниться и дойдти до насъ самыя древнія старини стародавни.

Наконецъ, дикость сѣверной хѣстности ограждала народное творчество отъ разрушительныхъ для него вліяній цивилизаціи. Олонецкая губернія, какъ извѣстно, занимаетъ собою пространство, которое больше многихъ государствъ Европы. Кромѣ озера Онега, которое называется моремъ, здѣсь 2,000 другихъ великихъ и малыхъ озеръ. Вѣicone дѣса во многихъ мѣстахъ еще не тронуты рукою человѣка. Здѣсь повсюду далеки усторонница, дикіи залѣсница и малыи безлюдница. Во многія мѣста нельзя проѣхать ни зимой, ни лѣтомъ:

„Туды малая птица не залетывать,
„Сѣрой зайшко туды не проскакивать;
„Извозчики туды не забѣживають,
„Перехожїи калѣки не захаживають“.

При такой обстановкѣ, естественно, внутренняя жизнь народа должна наполняться преданїями и обычаями предковъ и по преимуцеству вращаться въ области поэзи.

Одно только обстоятельство могло здѣсь задерживать развитіе народнаго творчества и вліять, такъ сказать, на его отрывочность: это именно то, что сѣверный человѣкъ постоянно находился подъ сильнѣмъ давленїемъ природы. Въ древнихъ поминникахъ, сохранившихся здѣсь во множествѣи, мы постоянно встрѣчаемъ имена потопшихъ, древомъ убїенныхъ, звѣремъ растеразшихъ, демономъ уведенныхъ. Здѣсь то и дѣло — заблел на погѣи, недороды на дугахъ, недополды на дворѣи. Много силъ нужно было тратить

здысь людямъ въ борьбѣ за свое существованіе. Находясь подъ такимъ подавляющимъ вліяніемъ, духъ народа, естественно, не всегда могъ предаваться вдохновеніямъ свободного творчества.

Кромѣ богатырей Киевскихъ и Новгородскихъ, въ преданіяхъ живутъ еще богатыри мѣстные, Олонецкіе. Здѣсь, говорятъ, было два богатыря: одинъ жилъ въ Остречинахъ, на лѣвомъ берегу Свири, а другой въ Плотичкѣ. Жилища пѣли они въ земляхъ, съ желѣзными дверями. Когда станутъ заперать двери, око было слышно за 20 верстъ. Однажды они порасхвастались: одинъ говорилъ, что заставитъ судовой ходъ, а другой — что остановитъ соловарню. Одинъ кинулъ громадный камень, называемый Бурець, въ рѣку Свири, и оттого въ ней сдѣлался порогъ; а другой кинулъ большую плиту въ солоную яму и тѣмъ остановилъ соловарню. Говорятъ, много разъ вычерпывали воду изъ солонихъ ямъ и тамъ видали расколотую плиту, которая отъ соли побѣжала. Вода въ этой ямѣ дѣлается. Ключи отъ жилищъ богатырей брошены, говорятъ, въ Свири, и теперь никто не можетъ отворить этихъ дверей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напримѣръ, въ Пудожской горѣ и Пещанѣ) былины въ великой чести до настоящаго времени, и пѣвцы или сказители старинъ пользуются тамъ большимъ уваженіемъ: надо, говорятъ, человѣка съ особеннымъ талантомъ, чтобы старини сказывать.

Сказваніе старинъ бываетъ при разныхъ случаяхъ: идуть дорогой, ѣдутъ въ лодкѣ, сидятъ за какою-нибудь работой — и чтобы занять вниманіе, просятъ „вѣщаго“ дядю повѣдать имъ старинку. Пѣвецъ затягиваетъ былинку, погружая въ давній времена и овладѣваетъ вниманіемъ своихъ слушателей; время идетъ быстро, дѣло дѣлается незамѣтно, и всѣ начинаютъ благодарить вѣщаго пѣвца.

Любопытно было бы прослѣдить генеологію подобныхъ „вѣщихъ“ сказителей, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это возможно въ наше время. Въ настоящемъ случаѣ мы коснемся пѣвцевъ одной только Кляской волости.

Въ XVIII вѣкѣ приобрѣлъ здѣсь громкую извѣстность пѣвцемъ старинъ крестьянинъ деревни Карташевой, Михаилъ Слѣпой гу-

сельщикъ. Старики помнятъ его до настоящаго времени. Онъ умеръ лѣтъ 75 тому назадъ. Рассказываютъ, что онъ былъ человѣкъ „обдѣлстый“, ходилъ по монастырямъ и зналъ много старинъ и прісказаній: „Эдакаго“, говорятъ, „пѣвца съ гуслими (грехугольными, въ 12 струнъ) не бывало да и не будетъ; еще сто годовъ, а гдѣ-то Михайла не забудется“. Пришелъ онъ однажды въ Питеръ къ одному генералу — милостыни проситъ, чтобы родители поманути. Генералъ наскоро высталъ съ каначемъ (то есть, съ дивана) и по цѣкѣ ему далъ: „Вотъ тебѣ“, говоритъ, „на поминки“. Михайло благодушно принялъ эту милостыню и отразился дальше съ своимъ товарищемъ; но генералъ вдругъ оборотилъ ихъ къ себѣ: „Ай же вы, псы“, говоритъ, „что вы знаете?“ „Мы, все знаемъ, — пѣсни пѣемъ, старини сказывать, на гуслихъ играть съ припѣвками“. Генералъ продержалъ ихъ у себя три недѣли, съ дому не спускалъ, — это было во время маневровъ; самъ онъ писался болѣзнь и все старини слушалъ да игру на гуслихъ; а когда отпустилъ изъ дому, далъ имъ по халату. Сынъ Михайлы хозяйствовалъ въ Петербургѣ, вышелъ тамъ въ кущи, дознался и вывезъ отца — не далъ больше ходить по Питеру; но Михайло померъ въ деревнѣ; въ Питерѣ не могъ жить, не по душѣ ему было.

Этотъ слѣпецъ извѣстенъ еще одною пословицей, которая повторяется до нынѣ. Въ деревнѣ Пустынѣ, въ 14 верстахъ отъ Космозера, жилъ крестьянинъ Иванъ Кириловъ — подавалъ милостыню маленькую, былъ жадець и скупъ; про него-то Михаилу сложили стихъ:

„На узникъ Пустыняхъ
„Жилъ-былъ Иванъ Кириловъ —
„Нн годъ, ни богатъ;
„Онъ сорокъ калпкъ
„Однимъ бѣлкомъ надѣлалъ,
„А что пальцемъ напекнетъ,
„То и милостыня“.

Изъ учениковъ Михаила Слѣпаго до нынѣ извѣстны Филиппъ Клементьевъ Сизой и Трифонъ Ивановъ Злобинъ.

Сизой — изъ деревни Артогонской, самый близкій соседъ Михаила Слѣпаго; около 50 лѣтъ, какъ умеръ. Онъ былъ широкій, порный

и сильный старпике; занимался плотничеством и был такой плотникъ, что топоръ повѣситъ да взглянетъ глазами, такъ пилкой не отбивалъ, отвѣса не нужно было. Однажды работалъ онъ съ товарищемъ Омой Омоннымъ въ раскольниковъ Даниловъ монастырь: тесъ пилили. Прочіе пильщики да монастырцы подсмѣивали надъ ними, что „оны такіи плечистыи да могущиѣ“. Около кузальни стоялъ огромный валь мелничный, *бунай* на него нагоняли. Сизой съ Омоннымъ взяли этотъ валь, бросили вверху и стали играть имъ, какъ игрушкой. Увидалъ это большекъ, подивился не мало и далъ имъ за это калитку, принякъ большой съ поларшина во всѣ стороны. Сизой пѣлъ много былинъ, и голосъ у него „прибрякивалъ“. Братъ его Федотъ Клементьевъ живъ до теперъ; ему 100 годовъ; тотъ былинами не занимается; звѣрей ловитъ больше, лисецъ да зайцевъ.

Другой ученикъ Михаила Сѣваго—Трифонъ Злобинъ, изъ деревни Денисовой, того же Космозерскаго погоста; лѣтъ 20 какъ умеръ. Занимался онъ крестьянствомъ. Недоводокъ онъ былъ; такъ говорилъ—запался, а какъ старину начнетъ пѣть—чужо какой голосъ мастерской: и въ умахъ пѣтъ, что поетъ запка. Пѣлъ онъ больше про Дюка Степановича и Добрыню Никитича. Когда кто плохо разбираетъ въ книгѣ, тому говорилъ: „Стунай въ Трифону, онъ лучше тебя знаетъ, даромъ что подслѣпнотой“.

Лѣтъ 20 тому назадъ былъ здѣсь еще одинъ мастеръ пѣтъ старпичи—Онтонъ Ивановъ Устрѣцкой; очень много зналъ онъ сказней; во всякому слову было готовое слово. Покрывалъ онъ церковь бѣлою жестию въ Космозерѣ и на бахвалу съ креста сталъ слушаться по веревкѣ; ногой ступилъ въ петлю, въ одномъ концѣ каната, а другой конецъ держалъ руками и опускался; канатъ закусило жестию; Онтонъ взвздъ было похараивдалъ, но лукавой попугалъ; уналъ онъ и убился.

Е. Варсоуж.

I.

В Ы Л И Н Ы.

Печатаемыя былины сообщены въ Географическое Общество Е. В. Варсоужемъ, бывшимъ профессоромъ Петрозаводской духовной семинаріи, а нѣгъ помощникомъ хранителя рукописей въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Былины эти записаны по порученію г. Варсова бывшими его учениками, преимущественно г. Михайломъ Гурьевымъ. Сказатель, отъ котораго записана большая часть былинъ, есть крестьянинъ Василій Щеголенокъ или Щеголенковъ (ремесломъ—бродячій крестьянской портной), извѣстный по сборнику П. Н. Рибикова (см. т. III, замѣтка собирателя, стр. XXV—XXVI, и т. IV, перечень пѣсенъ по пѣвцамъ, стр. 6), а также по статьѣ А. О. Гильфердинга „Олопецкая губернія и ея народныя раскода“ (Вѣстникъ Европы 1872 года, кн. 3-я, стр. 92, 120 и 122). По замѣчанію Гильфердинга, Щеголенокъ принадлежитъ къ числу сказителей, „которые отышли отъ соблюденія разбора“; этимъ замѣчаніемъ, которое подтверждается и словами г. Варсова (сравн. ниже, стр. 530), объясняется нѣкоторая нестройность стиха въ печатаемыхъ пересказахъ.

Не смотря однако на этотъ недостатокъ, пересказы г. Варсова весьма замѣчательны по представляемымъ ими особенностямъ содержания и изложенія. О. О. Миллеръ еще въ 1868 году, пѣвѣ въ рукахъ сборникъ г. Варсова, познакомилъ съ нимъ Отдѣленіе Этнографіи и тогда же указалъ на нѣкоторыя особенности Варсовскихъ пересказовъ; въ послѣдствіи эти указанія были имъ внесены въ его обширное изслѣдованіе о русскомъ народномъ эпосѣ: „Илья Муромецъ и богатирство Кіевское“. Печатаемая нѣгъ цѣлкомъ пересказы г. Варсова, мы сочли не бесполезнымъ въ соотвѣствующихъ мѣстахъ сдѣлать ссылки на книгу г. Миллера, а также и съ своей стороны прибавить нѣсколько дополнительныхъ примѣчаній.

Л. М.

Святогоръ богатырь ¹⁾.

1.

Святогоръ богатырь—сила у него невѣстна;
Поѣзжаетъ въ путь дороженьку во широкую,
Со зтыма съ досѣхамъ богатырскимъ;
Вереть онъ плеточку шелковую—
Кони-то богатырскаго поуживать;
Палцу булатную — погривать.
Гдѣ конь идетъ, по колѣвъ въ землю грижетъ,
Подъ зтымъ Святогоромъ богатыремъ.
Сдремалъ Святогоръ богатырь —
На томъ конѣ да богатырскомъ;
Вдругъ и сзадъ его наѣхалъ человекъ невѣстный,
Ударилъ палцею булатною —
И проговорилъ Святогоръ таково слово:
„Русскіе мухи кусаютъ больно“.
И другой разъ ударилъ Святогора богатыря —
И проговорилъ Святогоръ таково слово:
„Садко, терпѣть не могу“.
Оглянулись назадъ Святогоръ-богатырь
Со этого коня богатырскаго,
Со этого со стремени булатнаго,
Поворотъ держалъ да на правую руку,
Схватилъ онъ человекъ невѣстнаго съ сирой земли,
Положилъ онъ человекъ во свѣй колчанъ.
Поѣхалъ Святогоръ богатырь,
Путемъ—широкой дороженькой;
Плеточкой коня да онъ поуживать,
Палцу булатну съ руки на руку перемѣивать;
Конь-то идетъ спотыкается,
Малыи рѣки онъ промахивать,
Не широки озера перескакивать,

Озера-болота перемакивать,
Лѣса дремучи подъ себя пущать;
Проговоритъ тутъ конь богатырскій
Голосомъ человѣчьимъ,—
Самъ говоритъ, самъ спотыкается:
„Два богатыря на верху сидятъ“.
Воспроговорилъ Святогоръ богатырь:
Что же ты конь да спотыкаешься?
Что же ты служашь неправдою мнѣ?
— „Не могу нести, Святогоръ богатырь,
Друхъ богатырей;
Выпусти изъ колчана богатыря
На сирю землю;
Побратантесъ:
Одинъ—будь большій братъ,
Другой—будь меньшій братъ.“
Проговоритъ Святогоръ богатырь таково слово:
„Кто же ты естъ за богатырь?“
Отвѣчаетъ русскій могучій богатырь:
„Есть русскій могучій богатырь
„Старый козакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ“.
Проговоритъ Святогоръ таково слово:
„Ай-же ты Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
„Какой же ты русскій могучій богатырь!
„Везъ тебя въ колчанѣ три поприща,
„Со зтымъ конемъ да богатырскимъ,
„Со этой плеточкой шелковой,
„Со этой палцею булатною“.
И говорилъ Святогоръ богатырь:
„Когда ты называешься русскимъ могучимъ богатыремъ,
„Старый козакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
„А я русскій могучій богатырь Святогоръ.
„Кони у насъ мѣрныи,
„Сила у насъ невѣстна—
„У русскихъ могучихъ богатыривъ“.
Вышли они со тѣхъ коней богатырскихъ—

¹⁾ См. въ исследованіи О. Ѡ. Миллера стр. 181, 218, 243—244.

Отдохнуть на матерь на сыру землю;
Насыпали конным пшени да бѣлояровой;
Кони стоят да все шено идать,
Пшено идать да бѣлоярово;
Сами ревомъ ревутъ да богатырскимъ,
Сѣзда у коней потрескиваютъ.
Пробудились русскіи могучіи богатыри
Отъ сна да богатырскаго;
Не много, не мало спали русскіи могучіи богатыри
Не много, не мало спали на сырой землѣ—трон сутки.
Стали стремена булатны перелазивать,
Прикрѣпить послѣхи всѣ богатырскіи
На тихъ коняхъ да богатырскихъ;
Садятся эти русскіи могучіи богатыри
На этихъ коней да богатырскихъ
Со этими послѣхамъ богатырскими;
Хочутъ ѣхать по сырой землѣ
И испитъ своя сила богатырская—
Который буде большій братъ,
И который буде меньшій братъ.
Поѣхали они по сырой земли по матері,
Коней стали поуживать
Этима плеточкамъ шелковима,
Пальцами булатными поигрывать,
Пальцы вдають подь облако.
Разгорѣлось сердце богатырское
У этого Святогора богатыря;
Ужались сердечко у стара казака Илья Муромца,
Илья Муромца, сына Ивановича.
И наладили разѣзды на сырой землѣ
Эти русскіи могучіи богатыри,
Не на много, не на мало, на три поприща,
Испитать-то своей силы богатырскойей.
Поѣхали эти богатыри по чисту полю,
Коней стали поуживать
Плеточками шелковима,

Тыми ль пальцами булатными поигрывать,
Выкидывали пальцы булатны подь облако.
Ужались сердечко у стара казака Илья Муромца, сына

Ивановича,

Проговорить коню своему богатырскому:

„Ай же ты, конь мой богатырскій,

„На уходъ уходи: будемъ мы убиты.

„Отъ этого Святогора отъ богатыря“.

Поѣхалъ старій казакъ Илья Муромецъ,

Со этихъ со конемъ да богатырскимъ.

Разгорѣлось сердце богатырское

У стара казака Илья Муромца, сына Ивановича.

Поѣхалъ онъ дорожкой широкою,

Въ уиѣ держитъ—уѣхать отъ Святогора богатыря;

Не охота получить смерти напрасныя.

Коня сталъ богатырскою плеточкой поуживать,

Пальцей булатной поигрывать.

Удержалъ старій казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,

Со этого да со чиста поля.

Говорилъ со Святогоромъ богатыремъ

Слова да они крѣпкіи —

Испитать своей силы богатырскойей,

На томъ полѣ да на чистомъ.

Уѣхалъ старій казакъ Илья Муромецъ

Со этого со поля со чистаго;

Шпорами коня да богатырскаго потыкивать,

Плеточкой шелковой помахивать,

Пальцей булатной поигрывать,

Самъ говоритъ старой казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, да сынъ Ивановичъ:

„И служи-кто ты, конь богатырской, безцѣмьно мнѣ“.

Малыи рѣки конь перешакивать,

Озера не широки перескакивать,

Лѣса дремучи подь себя пуцать,

Волота на кругъ оббѣгаль.

Оглянулся Святогоръ тут богатырь,
На томъ ли онъ да на чистомъ полѣ,
Размялъ свою силу богатырскую:
Не видать русскаго могучаго богатыря на чистомъ полѣ;
Ухалъ русской могучій богатырь со чиста поля
Расходились печени богатырскія,
Разсмотрѣли очи ясныя,
Что нѣтъ русскаго могучаго богатыря на чистомъ полѣ.
Проговорить своему коню да богатырскому
Святогоръ богатырь таково слово:

„Служи-тко ты мнѣ да безъ пѣмънуща“.

Шпорами коня да онъ пограбиваетъ,
Конь подъ богатыремъ почувствуетъ,
Плеточкой шелковой полаживаетъ,
Кони да надо ему богатырскому
Попуживать да приударивать,
Палицу булатну съ ножней да вытязивать,
А малцею булатной пошриваетъ
И палицу подъ облако выкидываетъ.
Разгорѣлось сердце богатырское
У Святогора да богатыря —
Догнать надо стара казака Илью Муромца,
Илью Муромца, сына Ивановича.
Малыи рѣчки конь перешакиваетъ,
Озера не широко перемахивать,
Лѣсы дремучи подъ себя лущалъ;
Не досталъ Святогоръ богатырь
Стара казака Ильи-Муромца.
Разгорѣлось сердце богатырское
У того ль Святогора до богатыря;
Выходить онъ со добра коня,
Со добра коня да богатырскому;
Становится онъ да на сыру землю,
Самъ проговорить Святогоръ богатырь таково слово:

„Удержи-тко ты, мать сыра земля,

„Русскіихъ могучихъ богатыревъ

„И Святогора да богатыря

„И стара казака Ильи Муромца“.

Поднимается Святогоръ-то богатырь

На эту на щелью великую,

Слушаетъ камень огромный

По всѣмъ сторонамъ,

По всѣмъ сторонамъ—на три поприща.

Разсмотрѣлъ Святогоръ-то богатырь

По всѣмъ по четыремъ сторонамъ:

Нѣтъ русскаго могучаго богатыря,

Стара казака Ильи Муромца, сына Ивановича.

Поднимался Святогоръ да богатырь

На этого коня да богатырского,

Поѣхалъ-то по этому по полю по чистому,

Говорить-то онъ да таково слово:

„Выло бы кольцо да во сырой землѣ,

„Друго бы кольцо да въ высокомъ небѣ

„Поворотилъ бы и мать сыру землю

„Вверхъ крапчикомъ;

„Не уѣхалъ бы отъ меня старыи казакъ Илья Муромецъ,

„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ“.

Поѣхалъ путемъ дороженькой Святогоръ богатырь

Отъ этой думи крѣпкой;

Измѣна-конь-то пошакиваетъ;

Приздынулъ да своей-то головы богатырской

Этотъ Святогоръ богатырь,

Утушилъ-то опять своп очи ясныя

Во сыру землю:

„Не съ кѣмъ испитать силы богатырской,

„Нѣтъ-то мнѣ, видно, попарничка,

„И пѣтъ-то мнѣ да поединничка“.

Лежить-то колчанъ да о шпроку путь дороженьку,

Подписан на колчанѣ да подчисана:

„Въ этомъ колчанѣ—вся земная тигота“.

Остановилъ то Святогоръ богатырь

Своего то коня да богатырского.

Выходить съ коня да богатырскаго
На эту на матеръ на сыру землю,
Глядитъ на коня да богатырскаго:

„Служилъ ты, конь богатырской, вѣрой-правдой мнѣ!“
Стопть-то конь да голова повѣшена,
Хочеть Святогорь-то богатырь,
Испытать своей силъ богатырской,
Принимается за этотъ колчанъ подписанный,
Первый прицднулъ колчанъ съ сырой земли,
Угравнулъ во сыру землю по косточки;
Второй разъ колчанъ да прицднимываетъ,
Угравнулъ Святогорь да богатырь по колѣночка,
Заревѣлъ то конь богатырской по звѣрному,
Самъ проговорить голосомъ человѣческимъ:

„Не кому больше ѣздить будетъ на конѣ да богатыр-
скоемъ“.

Вдохнулъ конь богатырской отъ своихъ печеней;
Лопнули стремена бугаятинъ,
Оборвались святочка шелковицъ,
Увалился конь на сыру землю,
Проговорилъ Святогорь да таково слово
И поднялъ колчанъ со сырой земли,
И принялъ себѣ смерть Вожью.

(Запис. Михаиломъ Гурьевичъ отъ крестьянина Василья Щеголенкова.
Пѣвецъ отказался пѣть эту былинку, но согласился рассказать ее, такъ
что она является не столько былинной, сколько побывальщиной).

**Дюкъ Степановичъ и Щурило Шапленковичъ (Ми-
вула Селяниновичъ и Волга Святославичъ) ¹⁾.**

Отправляется Дюкъ Степановичъ во чисто поле
На своемъ-то конѣ да богатырскоемъ
Земли матери переваливать.
День-то пахаль Дюкъ Степановичъ,—
Коня-то богатырскаго понукиваетъ,

И сонка у пахаря поскрипываетъ;
День-то проходитъ, на другой-то онъ на чисто поле,
Опять пахарь коня богатырскаго понукиваетъ,
И сонка у него да поскрипываетъ.
Проходитъ тому времени два денька —
Отправляется Дюкъ Степановичъ во чисто поле
Переваливать сырой земли матери.
Идетъ-то русскій могучій богатырь
Путемъ-дороженькой да широкой.
Пришелъ-то русскій могучій богатырь къ Дюку Степановичу,
Здоровье они сдѣлали между собой,
Спрашиваетъ Дюкъ Степановичъ таково слово:
„Какъ тебѣ имачю Вожие?“
Отвѣтъ держалъ русскій могучій богатырь:
„Имачю мнѣ—Щурилушко Шапленковичъ,
„Я до васъ день шелъ путемъ широкой дороженькой
„Слишно, пахарь попахиваетъ
„И коня-то богатырскаго понукиваетъ,
„И сонка у пахаря поскрипываетъ;
„И во другой день отправился по дороженькѣ по широкой
„И слышалъ, пахарь опять да попахиваетъ,
„Коня да богатырскаго понукиваетъ,
„Сонка у пахаря поскрипываетъ;
„И въ третій день отправился въ путь дороженьку во шир-
року,—

„Пахарь опять да попахиваетъ,
„Сонка у пахаря поскрипываетъ.
„Въ третій день пахаря засталъ да на сырой землѣ“.
Проговорить Щурилушко Шапленковичъ да таково слово:
„Не ты ли есть Дюкъ Степановичъ?“
„Отвѣдаемъ-ко мы, Щурилушко Шапленковичъ
„Силъ богатырской между собой!“
Оборотился Щурилушко Шапленковичъ
Проговорить ему да таково слово:
„Я вижу у стольнаго града у Києва“.
Проговорить Дюкъ-то Степановичъ таково слово:

¹⁾ См. въ послѣдованіи О. Ѡ. Миллера стр. 223.

„И живу-то за рѣкой да за Пачаевою,
 „Надо испатать намъ, сила богатирская между собою!“
 Приходятъ Шурлушко Щапленковичъ, а коня атаю
 Въ свою ли то палату богатирскую,
 Говорить-то своей да родной матушкѣ:
 „Ай ты, моя родная матушка!
 „Я наемъ-то въ похождение богатыря,
 „День-то шель я до пахари,—
 „Пахарь понахваиваетъ,
 „Коня да богатирскаго понукиваетъ,
 „Сомка у пахари поскрипываетъ,
 „И по другой день тогда я отправился,
 „По той ли дороженькѣ по широкую,—
 „Слышно пахарь опять да понахваиваетъ,
 „Коня богатирскаго понукиваетъ,
 „Сомка у пахари поскрипываетъ,
 „И по третій день тогда я отправился,
 „Въ путь дороженьку во широкую,—
 „Пахарь опять да понахваиваетъ,
 „Коня богатирскаго понукиваетъ,
 „Сомка у пахари поскрипываетъ,
 „Пашетъ пахарь-то Дюбъ Степановичъ,
 „И сила у насъ-то не гнѣная,
 Береть-то Шурлушко Щапленковичъ,
 Береть онъ коня да богатирскаго
 Во этой во конюшнѣ бѣлудобовой:
 Надѣваетъ на коня уздичу тесиную
 Кладываетъ на коня исподнички,
 На исподнички кладываетъ онъ войлочки,
 На войлочки онъ сѣдельшко—
 Сѣдельшко да черкасское;
 Затягиваетъ подруги онъ двѣнадцатери,
 Пряжечки въ подругахъ желѣзницы,
 А шилечки чиста золота;
 Булатъ-то желѣзо не ржавѣетъ,
 Арабское золото не держится;

Завязывать Шурлушко свѣсточки семи шелковъ
 Не для-ради краса—ради крѣпости;
 Садится на коня да богатирскаго,
 Свѣзается со двора да богатирскаго,
 Съ этимъ досѣхомъ богатирскимъ
 И самъ проговоритъ да таково слово
 Своему коню да богатирскому:
 „Ай же ты, мой конь богатирский!
 „Служи-ты ты мнѣ вѣрой-правдою
 „Вѣрой-правдою да безъ изълишки,
 „Какъ служишь ты моему роду батюнку*,
 Проговоритъ конь голосомъ да человѣчнмъ
 „Садись-ко ты, Шурлушко Щапленковичъ,
 „И поѣдемъ мы къ той рѣкѣ ко Пачаевоу,
 „Прѣйдемъ мы да на крутъ берегъ
 „Эта рѣка да Пачаева
 „Глубиной рѣка до сорока сажень,
 „Поперекъ рѣка да верста мѣрная*,
 Поѣхалъ-то Шурлушко Щапленковичъ
 На этомъ конѣ да богатирскомъ
 На оную рѣку да на Пачаеву,
 Проговоритъ конь голосомъ да человѣчнмъ
 „Ай ты, Шурлушко Щапленковичъ!
 „Добѣдемъ мы до половини рѣки Пачаевоу,
 „Размокнутъ твои свѣсточки шелковыи,
 „Оборвутся твои стремени булатнии,—
 „Держись ты за вѣлоси коннии,
 „И вынесу я тебя възъ рѣки да възъ Пачаевоу,
 „Вынесу тебя да на крутой берегъ.
 „Осѣдай-ко ты сизнова коня да богатирскаго*,
 Сѣдлай тутъ Шурлушко Щапленковичъ
 Коня своего да богатирскаго.
 Перекрѣпилъ тутъ всѣ досѣхи богатирскіи.
 Унываетъ-то сердечушко у Шурлушки Щапленкова,
 Надо съѣхать-то намъ на поле чистое
 Ко этому ко Дюку ко Степановичу.

Садился на коня да богатырского
Шурилушко Щапленковичь

И проговорил таково слово:

„Служи-тко ты вѣрой-правдою,
„Вѣрой-правдою, да безъ измѣнушки!“

Шпорами коня да потягиваетъ,

И конь-то дороженькой поступаетъ,

Головухой своей да помахиваетъ.

Видитъ Шурилушко Щапленковичь,—

Вѣдять Дюк-то Степановичъ во чистомъ полѣ.

Стагъ то коня да онъ понуживать

Этою плеточкой шелковой,

Палицей булатной пощываетъ;

Прѣязжаетъ Шурилушко Щапленковичъ во чсто поле;

Разгарается сердце богатырское;—

Развѣзда сдѣлали они за три поприща

Со вѣтнимъ со Дюкомъ Степановичемъ;

Они соткнулись палицами въ одно мѣсто.

И сразилъ-то Шурилушко Щапленковичъ

Этого Дюка да Степановича.

И ударилъ его о сизру землю,

Самъ проговорилъ ему таково слово:

„Я буду большой братъ, Дюкъ Степановичъ,

„А ты будь меньшій братъ;

„Станемъ мы служить у стольгата Князя у Владиміра

„У Солншика во городѣ во Киевѣ

„Служити-то будемъ безъ измѣнушки.“

(Запн. Гурьевимъ отъ Щеголенкова).

Илья Муромецъ.

Старый казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,

¹⁾ См. въ изсѣдованіи О. Ѡ. Миллера стр. 277, 285 и 757; здѣсь этотъ пересказъ ошибочно приписанъ калякѣ Латышюу.

И поѣхалъ въ путь—дороженьку широкую

И на томъ ли конѣ да богатырскомъ,

И надѣлъ-взялъ шубку соболонную

Старой казакъ Илья Муромецъ;

И взялъ-то онъ плеточку шелковую

Понуживать коня да богатырскаго;

И взялъ-то палицу булатную,

И вѣсомъ-то она да сорова пудовъ,

И поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ

Въ путь-дороженьку широкую;

И пришло да тутъ три рѣбстаны

И написано на рѣбстаны:

Во праву руку ѣхать—женатому быть;

Во лѣвую руку ѣхать—богатому быть;

Примо ѣхать—убитому быть.

Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ:

Не надобно старому казаку Ильѣ Муромцу женатому быть,

И мнѣ не надо старому казаку Ильѣ Муромцу богатому

быть,—

Я поѣду казакъ Илья Муромецъ, гдѣ убитому быть.

И наѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на чегыреста раз-

бойниковъ,

И вси-го разбойнички спать улеглись,

Одинъ-отъ разбойникъ показиваетъ

И словечко самъ поговѣривать:

„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

„Отдай-ко ты шубку соболонную;

„Если честно отдашь,—мы честно возмемъ;

„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возмемъ;

„Отдай-ко ты плеточку да богатырскаю:

„Если честно отдашь,—такъ мы честно возмемъ;

„Если—нѣтъ, такъ и не честно возмемъ.

„Старой казакъ Илья Муромецъ!

„Отдай-ко ты палицу булатную:

„Если честно отдашь,—такъ мы честно возмемъ,

„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возмемъ“.

И куда же я, старой казакъ Илья Муромецъ?
Надо мнѣ шубка собольная обогрѣваться,
Плеточка богатирская—коня понуживать,
Палица булатная—попргивать.
И стали всѣ четыреста разбойничковъ:
Убили-то тутъ всѣхъ разбойничковъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И привлазъ-то одного разбойника къ оторочкамъ кониннымъ
И поѣхалъ въ путь дороженьку широкую отъ силы убитой.
Въ шубкѣ собольной онъ да погрѣвается
На томъ ли конѣ богатирскомъ,
И плеточкой коня богатирскаго понуживать
И палицей булатной попргивать.
Малыя рѣки онъ перешахивать—коня богатирскій
Не широки озера, да перескакивать,
И озера—болота перешахивать,
Лѣсы дремучи подъ себя пущать.
И захотѣлось стару казаку хлѣба соли покушати,
И прѣхалъ онъ къ Одолцину поганому;
И приходитъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ покои богатирскіи
И говорилъ да онъ таково слово:
„И надо бы мнѣ стару казаку Ильѣ Муромцу пообѣдать“.
Проговорилъ Одолцине поганое таково слово:
„Называется ты богатиремъ, старой казакъ Илья Муромецъ,
„Росту ты есть да не великаго“.
Спрашиваетъ Одолцине поганое:
„Много ли хлѣба кушаешь?“
Отвѣтъ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣба кушаю я, Одолцине поганое, три фунта,
„Похлебки хлѣбаю я—кружку,
„Пива пью я пол-ядрова“.
Проговорилъ Татаринъ поганый:
„Какой же ты да за богатиръ?“
„Хлѣба ѣшь ты по малу,
„Похлебки хлѣбаешь ты по малу,

„И пива пьешь ты по малу?“
Проговорилъ Одолцине поганое:
„Вотъ я за богатиръ.“
„Голова у меня, какъ ливничій котелъ;
„Глаза у меня, какъ пивничіи чашы;
„И нешь глазами у меня—да цѣлая пядень;
„И я кушаю богатиръ, Одолцине поганый,
„Хлѣба я кушаю—по пещи
„И миса я ѣмъ—по цѣлому стигу
„И пива я пью—по три ядрова“.
Старой казакъ Илья Муромецъ отвѣтъ держалъ:
„У моего родителя у батюшки была на дворѣ корова эдака,—
„Сама она была да обжорливая;
„Ѣла, да пила, да у розорвало!
„Пойдемъ-ко, Одолцине поганое, въ широкое поле,
„Отвѣдаемъ-ко силы богатирской!“
Сѣхались богатиръ въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Одолцища поганого на сіяныя,
Расстрепалъ Одолцища поганого.
И поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ съ этого обѣднца,
И поѣзжаетъ онъ во землю неизвѣстную;
Прѣхалъ къ царству незнакому,
Явился къ Королю на бѣлый дворъ.
Донесли Королю, что прѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
на королевскій дворъ.
Выходитъ онъ съ покоя королевскаго,
Проговорилъ ему да таково слово:
„Ай жести, старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
„И слышно о тебѣ да о богатирѣ по всѣмъ ордамъ“.
Проговорилъ Король да таково слово:
„Живи-тко ты, старой казакъ Илья Муромецъ у меня во
Проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
„Умертвилъ-то я четыреста разбойничковъ;
„Одинъ-отъ разбойничекъ къ оторочкамъ кониннымъ“.

„Жилъ бы ты, старой казакъ Илья Муромецъ,
„Вылъ бы граду моему да защитникъ.
„Нѣтъ у меня такого славнаго богатыря“.
И поѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Отъ этого Короля да со бѣлаго двора,
И въ умѣ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
Надо съѣхать съ городу:
Въ описяхъ есть да написано:
Ко городу надо съѣхать ко Киеву.
Розсказиваю я, богатырь, по всей земли
И мѣста-да я разсматриваю;
И сидѣлъ-то я, богатырь, старой казакъ,
Сидѣлъ-то я безъ ногъ тридцать лѣтъ;
Даль мнѣ Господь хождение поганъ,
И сплу богатырскую неизвѣстную.
И ѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Хлѣбъ-то онъ нѣлъ да во колчанѣ
И всѣ доспѣхи при себѣ у богатыря.
Придвигается ко дорогѣ онъ ко широкой —
И написано на дорогѣ на широкой:
Во правую путь ѣхать — ко городу ко Киеву,
По лѣвую путь ѣхать — ко Соловью Рахманову,
И этотъ разбойникъ Соловей извѣстенъ былъ по всей землѣ.
Жилъце онъ нѣлъ себѣ на двѣнадцати дубахъ;
Мимо себя не пропускалъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни птицы
летучей.
Свисталъ онъ по зѣбному,
Кричалъ онъ по зѣбному.
Остановился старой казакъ Илья Муромецъ,
Охота очистить путь эта ко городу ко Киеву;
Прѣѣзжаетъ ко полю ко чистому,
Увидалъ онъ богатыря, вѣзучи по полю по великому;
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И коня-то богатырскаго богатырь понуживаетъ,
Пальцей булатной погрываетъ,
Выкидываетъ палицу подъ облако.

И такъ же старой казакъ Илья Муромецъ.
Коня сталъ понуживать
И пальцей булатной погрывать,
Выкидываетъ палицу подъ облако.
И выѣхали эти богатыри на широко поле
И увидѣлъ Соловей Рахмановъ русскаго могучаго богатыря,
Свистнулъ онъ да по зѣбному,
Крыкнулъ онъ да по зѣбному;
И конь-то богатырскій у богатыря на колѣвни палъ,
И палъ да на сыру землю.
Проговорить старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Ай же ты конь да богатырскій!
„Не бойся ты свисту зѣбнаго,
„Не бойся ты крику зѣбнаго,
„Служи ты вѣрой-правдой мнѣ!“
Соткнулись богатыри да въ одно мѣсто
Соловей Рахмановъ да старой казакъ Илья Муромецъ —
И выпбѣ Соловья Рахманова
Съ коня да богатырскаго на сыру землю,
И привязалъ-то старой казакъ Илья Муромецъ Соловья Рах-
манова
Ко этинимъ въ оторокахъ коннымъ,
И коня-то старой казакъ Илья Муромецъ понуживаетъ,
Пальцей булатной погрываетъ;
Прѣѣзжаетъ къ дому Соловья Рахманова, —
Было-то у него да три дочери.
Большая дочь говоритъ:
„Нашъ-то батюшка ѣдетъ
„Русскаго могучаго богатыря везетъ въ оторокахъ конныхъ“.
И середняя дочь тоже говоритъ:
„Привязанъ русскій могучій богатырь къ оторокамъ кон-
нымъ“.
А меньшая дочь говоритъ:
„Ай вы сестры мои да родимы!
„Русскій-то могучій богатырь ѣдетъ
„Да нашего батюшку везетъ

„У тишк ли у городах коняникъ“.

Пріѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ

Ко этому дому ко Соловья Рахманаго;

Ворота да отворены на яту—на бѣлый дворъ;

Махнулъ онъ тутъ кони да богатырскаго

Плеточкой шелковой,

Собрался на бѣлый дворъ старый казакъ Илья Муромецъ;

Выходить дочери на крыльцо да на парадное

Проговоритъ богатырю да таково слово:

„Умертвилъ ты нашего родителя!“

Прогдворилъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:

„Знаешь ли ты, большая дочь Соловья Рахманаго?“

„Есть ли храбрѣ меня, вонна Илья Муромца,“

„А красивѣ тебя?“

Проговоритъ дочь великая Соловья Рахманаго:

„Я твоей храбрости не вѣдаю,

„Стара казакъ Илья Муромца да сына Ивановича,

„А своей красоты да дѣвчией не могу я знать!“

У меньшей у сестры спрашиваетъ старой казакъ Илья Муромецъ:

„Есть ли красивѣ тебя и храбрѣ меня?“

Проговоритъ меньшая дочь Соловья Рахманаго:

„Во полдсолнечномъ градѣ у Кóроля

„Есть дочь единая; брови у ней—терна соболя,

„Они у ней—ясна сокола

„По коспцалъ у ней звѣзды частыя“.

Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;

Поѣду я, старой казакъ Илья Муромецъ,

Ко городу ко Киеву

Увидать-то мнѣ надо Солнышко — князя Владиміра стольно-

Кіевского.

И пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ

Ко городу ко Киеву,

Къ тому ли князю да ко Владиміру

И ко Солнышку князю стольно-Кіевскому.

И входитъ во покои княжечинъ,

Крестъ кладетъ по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому,

И на двѣ на три на четыре стороны поклоняется,

И Солнышку князю Владиміру

Дѣлаетъ поклонъ osobинной

Увидали всѣ русскія могучія богатыри

Стара казакъ Илью Муромца, сына Ивановича:

„Будь ти намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, большій

„Держимъ мы надежду на тебя да великую,—

„Будь же ти городу Киеву да защитчикъ!“

(Занес. М. Турьевымъ отъ В. Щеголепкова).

2 1).

Какъ съѣхались сильныя могучія богатыри въ чистомъ полѣ,

Они съѣхались да поздоровались,

Со первой со стороны батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ,

А съ другой со стороны сильное Иванниче Игнатьевъ сынъ,

Они съѣхались да поздаровались.

„Здравствуй, сильное Иванниче Игнатьевъ сынъ!

„Ты откуда идешь да откуда путь держишь?“

Отвѣчать ему сильное Иванниче Игнатьевъ сынъ:

„Я отъю иду да отъ Царя-града,

„Отъ Царя-града иду да отъ Иерусалима“.

Говоритъ ему батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ.

„Во Царя-гради есть вѣра та-ль по старому?

„Въ Иерусалимѣ есть вѣра да по прежнему-ль?“

Отвѣчать ему сильное Иванниче Игнатьевъ сынъ

„Во Царя-гради есть вѣра не по старому,

„Въ Иерусалимѣ есть вѣра не по прежнему,

„Тамъ обилило проклятое Идолниче,

1) См. въ изслѣдованіи О. Ф. Миллера стр. 326 и 750.

„Сидит между царемъ, между царицею
„Межъ Сурьявннмъ Василемъ Боголюбнмъ“.

Говоритъ ему старй казакъ да Илья Муромецъ:

„Чтожь ты на проклятое не напущалъ?“

Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:

„Не то я на проклятого не напущалъ,

„Не смѣлъ то я душой подумати,

„Не смѣлъ то я мыслями помислити;

„Какъ головнще у проклятого съ пивной котель,

„А глазнща у проклятого съ пивны чашъ,

„А носнще у проклятого бывъ калена стрѣла,

„А туловище у проклятого будто гуча сѣна — не-
смытнн“.

Говоритъ тутъ старй казакъ да Илья Муромецъ:

„Ай-же ты, сильное Иванище, Игнатьевъ сынъ!

„Ты саднсь-ко на матушку сыру землю,

„Разувай-ко лапотики изъ семи шелковъ,

„Ты снимай-ко поддумки изъ лѣтъ бурхатъ,

„Вынмай-ко шляпу земли Грецип,

„Скидайвай ты гуню Сороцинскую,

„Одѣвай-ко мое платье дорожное“.

Онъ отвѣчатъ ему, стару казану да Ильѣ Муромцу.

„Какъ добромъ тѣ не дати, такъ ты силомъ возьмешъ,

„Силомъ возьмешъ, да мнѣ-ка горбъ наднмешъ“.

Саднлся на матушку сыру землю,

Снималъ онъ шляпу земли Грецип,

Скидывалъ онъ гуню Сороцинскую,

Одѣвалъ онъ платьище Ильюшнно—дорожное.

Скорнмъ-наскоро Ильюша одѣвается,

Нокрутеннмъ Ильюша снаряжается,

Обувалъ Ильюшннка лапотики семи шелковъ,

Въ которыхъ лапотнкахъ вилачено

По камешку по ахоту,

По ахоту по самоцѣтному,

Не для-ради краси-басы убожества,

А ради укренн богатирской—молодеческой,

Чтобы днемъ идти краснмъ солнышкомъ,

А ночью идти видно свѣтлымъ мѣсяцемъ.

Справлялся Ильюша во дороженьку,

Покрутенно да снаряжается;

Изымалъ Ильюша дубннку подорожную,

Которая дубннка девннсто пудъ безъ единого;

Помель Юльюша, пробирается,

Только мать землянка подгибается;

Скоро скажется, по успѣху дѣло дѣтается:

Это будетъ Илья да у Цара-града

У Цара града у Иеросоима,

У той стѣны у городовою.

Закричалъ Юльюшенка въ поголоса,

Во Цари-гради новы домъ пошатнлся,

А старне то домъ распалнлся,

А бережне кобыли жеребнлся,

Врѣхаты бабы розроднлся;

На Божнхъ церквахъ чуднѣ кресты покрнвлнлся.

Проклятое чудовнще у палаты грановнтые

Ужаснулся да чужъ обмалтасы,

Самъ говоритъ таковы слова:

„Ай-же ты, царъ Василй Сурьявнчъ да Боголюбевчн!“

„Выходи-тко на крылецко на царское,

„Закричи ты царъ да знчнмъ голосомъ;

„Како у ты во Цари-гради уродище уродуесть,

„Ты зови его къ себѣ въ палату грановнтую,

„Чтобы шелъ онъ въ палату грановнтую,

„Во ту грдню во столовую,

„Чтобы поклонъ-то кзалъ по ученому,

„Крестъ кзалъ онъ по писаному,

„Кланлся на всѣ четыре стѣроны,

„Царю со царцей поннзешенку

„А твоимъ гостямъ—любнмнмъ въ осевину“.

Тутъ выходилъ царъ на крылецко на пиреное,

Закричалъ тутъ царъ да знчнмъ голосомъ:

„Ахъ же ты, калина перехожаа!“

„Ты поди ко мнѣ во покои во царскіи,
„Крестъ владай по писаному,
„Поклоня веди да по ученому,
„Клонись на всѣ четыре стѣорны,
„Царю съ царицею помзешеньку,
„Моямъ гестамъ любящимъ въ особину“
Того-то шпшъ калика взрадогалася,
Скавалъ калика черезъ стѣну городобу,
Черезъ тотъ-то тышъ черезъ булатный,
Шель калика скорымъ-наскоро
На ты сини на царскіи,
Во ту палату гранонитую,
Во ту во грядню во столовую,
Ужъ онъ крестъ владалъ да по писаному,
Покломи вель да по ученому,
Клонитис на всѣ на четыре на стѣорны,
А царю съ царицею въ особину,
А проклятому чудовищу человекъ не бьетъ,
Это тутъ проклятому не слюбилоси,
Онъ вѣдъ сталъ каликку выпрашивать,
Сталъ каликунку вывѣдывать:
„Ай-же ты калика шпшъ перехожаа!
„Ты коей земли, да ты коей орды,
„Коего отца да коей матушки“
„Я со матушки да со Святой Руси,
„Со Святой Руси да съ богатой орды“
„Видалъ ли ты шпшъ калика перехожаа,
„Видалъ ли ты да Илью Муромца,
„Какъ у васъ на матушки на Святой Руси
„Есть Илья у васъ Муромецъ,
„Онъ у васъ, говорятъ, силенъ есть“
Отвѣчатъ шпшъ-калика не съ упадкою:
„Голосомъ п волосомъ п возрастомъ
„Будто братецъ мой,
„Ужъ и платица ному его обдержежи,
„А сапожки ному его оитопочки,

„А шапу ному его да рваную“
Говоритъ ему проклятое Идоллице:
„По много ли онъ хлѣба въ выти кушаетъ?“
„А калачъ да булочка ему на два дня“
Говоритъ тутъ сильное проклятое Идоллице:
„Ай же, есть онъ мнѣ не силенъ, какъ я есть силенъ;
„Бмъ семь печей калачей
„Да сорокъ мякушечекъ;
„По бочкѣ выпиваю я пива пьяного,
„А по лебедю я сразу закусываю“
Говоритъ тутъ шпшъ калика перехожаа,
Отвѣчаетъ онъ калика не съ упадкою:
„Какъ у насъ-то есть да на Святой Руси,
„Какъ у нашего у батюшка коровище обжорное
„По много въ выти ѣла, ѣла—треснула“
Ему эти рѣчи не слюбилоси,
Схватилъ онъ проклятой булатный ножъ,
Какъ бросилъ онъ проклятой въ Илью Муромца.
Какъ тутъ-то Юлюшии смерть не писана,
Увернулся-то Илья за правую за линушку,
Пролетѣлъ булатный ножъ на сини да на царскіи,
Какъ прибилъ онъ поганыхъ Татаровей!
Какъ схватилъ Илья одною за правую за поженку,
А другою схватилъ за правую за рученьку,
Какъ началъ тутъ Юлюшинья помахивать,
Буды махнетъ, туды удина,
Отмахнетъ куды, переулочекъ;
Прибилъ тутъ проклятыхъ Татаровей,
Не оставилъ онъ проклятыхъ на сѣмена;
Завзималь онъ дубинку подорожную,
Пришелъ-то онъ во грядню во столовую,
Ударилъ онъ Идоллице да мезу уши,
Покатилась головище, какъ пивной котель,
Полеѣли глазница бждто селезни,
И поплыли по Волхову,

Понесло его тушу сѣбною—несмѣтною.
Туть ему проклятому славы поконь.

(Записано А. Николаевским, въ приходѣ Кутгала, Филипповой волости, отъ крестьянина Щербакова).

3 1).

Во стольномъ городѣ во Києвѣ;
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него почестень ниръ
На многихъ на князей на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей;
Всѣ князья—всѣ бояра со двора да съѣзжали,
Среди-то поченьки да темной,
Пріѣхаль-то Татаринъ поганой,
Ко тому ль то князю ко Владиміру,
Ко Владиміру князю ко Солнышку.
Зашелъ онъ въ палаты княженецкія,
Ђрдичекъ на столъ да выкладывалъ,
На тотъ ли столъ да на дубовой,
На ту ль доску да на позлаченую;
Самъ на словахъ да выговаривалъ:
„Солнышко Владиміръ, князь стольно-Києвскій!
„Прибери-твое всѣ двори да княженецкія,
„Очисти-твое палаты богатырскія,
„Обмети-твое тѣ улицы стрѣлецкія—
„Въѣхать Капну-собаку поганому
„Во стольный градъ во Києвъ.
Пріѣхаль Капну-собака поганой
Ко той рѣки ко Смородины,
Ко этому камню ко Латырю,
Ко тому ли дубу то ко шпроку,
И привезъ сорокъ королей, королевичей,

1) Соответствующій этому пересказъ, записанный со словъ того же сказателя, но не полный и съ инымъ окончаніемъ, находится въ сборникѣ Рыбникова, I, 118—119.

Привезъ сорокъ царей, сорокъ царевичей;
У королей, у королевичей силы е по тысящи,
У царей, у царевичей по сту тысящъ.
Привазалъ Солнышко Владиміръ, князь стольно-Києвскій,
Зазвонитъ-то во било колокольное,
Штобы собрались всѣ русскія могучія богатыри
Ко Солнышку князю ко Владиміру
На широкій дворъ и въ полаты княженецкія.
Ужаснулось сердечко у Солнышка у князя у Владиміра,
Говоритъ да онъ могучимъ богатырямъ:
„Былъ-то Татаринъ поганый среди ночи темныя
„Во палатахъ княженецкихъ;
„Ђрдичекъ на столъ да онъ выкидывалъ,
„На тотъ ли столъ да на дубовой,
„На ту ли доску да золоченую,
„И самъ на словахъ да выговаривалъ:
„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно Києвскій!
„Пріѣхаль Татаринъ поганый ко Солнышку князю Владиміру,
„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно-Києвскій!
„Ты очисти-твое двори да княженецкія,
„И полаты богатырскія,
„И омети улицы стрѣлецкія.
„Пріѣхаль Капну-собака поганой,
„Ко той рѣки да ко Смородины,
„Ко тому ль ко камню ко Латырю,
„И ко тому ли дубу да ко шпроку;
„И привезъ онъ сорокъ королей и королевичей.
„И сорокъ царей, сорокъ царевичей;
„У королей и королевичей силы е по дѣлой по тысящи,
„У царей и у царевичей по стѣ тысящъ“.
И всѣ сядитъ русскіе могучіе богатыри,
Углубени очи ясны во каляновъ мостъ;
Только нѣтъ единого стара казака Ильи Муромца
У Солнышка князя Владиміра;
Послать русскаго могучаго богатыря
Къ стару казаку Илью Муромцу,

Илью Муромцу, сыну Иваничу.
 Пришелъ русский могучій богатырь
 Къ стару Ильѣ Муромцу,
 Ильѣ Муромцу, свѣту Ивановичу,
 Крестъ кладеть онъ по писаному,
 Поклонъ ведеть онъ по ученому,
 И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется;
 Стару казаку Илью Мурому
 Дѣлать онъ поклонъ да особенный.
 „Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
 „Приѣхалъ-то Татаринъ поганый въ палаты княженецкіи,
 „И самъ ермыкъ-то на столъ да выкладывалъ,
 „На тотъ ли столъ да на дубовый,
 „На ту доску да золоченую;
 „Самъ на словахъ да выговаривать:
 „Прибери-тко ты вси дверя да княженецкіи,
 „Очисти палаты богатырскіи,
 „Омети уллицы стрѣленкіи.
 „И въѣхать Канну-собаки поганой
 „Во столичный градъ во Кіевъ.
 „Приѣхалъ Татаринъ собака поганый
 „Ко той рѣки ко Смородинои,
 „Ко тому ль то камени ко Латырю,
 „Ко тому ль то дубу да ко ширюку,
 „И привелъ сорокъ королей и королевичей,
 „И привелъ сорокъ царей, сорокъ царевичей;
 „У королей, у королевичей силы по цѣлой е по тысящи,
 „У царей, у царевичей по стѣ тысящъ.
 Проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
 „Дай-ко ты, Солнышко Владиміръ князь,
 Дай намъ времени поѣдохнуть,
 Не на много, не на мало на двѣнадцать дней;
 Поѣхали во палаты богатырскіи
 Русскіи могучіи богатыри;
 Насманили пшени бѣлояровой

Конямъ да богатырскимъ;
 Они стоятъ—пшено ѣдятъ.
 И проходитъ тому времени двѣнадцать дней.
 Приходитъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ
 Ко Солнышку князю ко Владиміру,
 Дѣлаетъ поклонъ да о каинновъ мостъ,
 Самъ Владиміру слово выговаривать:
 „Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 „Спусти-тко меня ко тѣмъ ли Татарамъ поганымъ“.
 Проговорилъ Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій:
 „Есть ты молодъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ,
 „Отъ роду тебѣ всего семнадцать лѣтъ;
 „Гдѣ же у тебя да родной батюшка?“
 Воспроговоритъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ:
 „Ушелъ-то мой родной батюшка
 „Ко Ермаку ко Сергію.
 „Дай ты, Солнышко мнѣ Владиміръ князь,
 „Прощеньце и благословеньце:
 „Поѣду ко Татарамъ ко поганымъ;
 „Дашь прощеньце—поѣду,
 „И не дашь благословеньце—поѣду,
 „Стоять за столичный градъ да Кіевъ,
 „За свое родное отечество,
 „За свою ль за ту вѣру христіанскую“.
 Приѣзжаетъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ
 Ко отнимъ ко русскимъ богатырямъ
 Во палатки богатырскіи.
 Все кони стоятъ и все пшено ѣдятъ,
 Все пшено ѣдятъ да бѣлоярово,
 И спятъ русскіи могучіи богатыри.
 Проговоритъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ:
 „Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
 „Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
 „И не честь спать русскимъ могучимъ богатырямъ,
 „Надо ѣхать ко тѣмъ Татарамъ ко поганымъ.
 Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
 „Ай же ты младъ Ермакъ Тимоеевъ сынъ!
 „Есть ты юноша младый,
 „Отъ роду тебѣ семнадцать лѣтъ;
 „И встань ко ты во широкъ дубъ,
 „И посмотри-тко на Татаръ да на поганыхъ:
 „Много ль нагнано Татаръ поганыхъ?“
 Опустился младъ Ермакъ Тимоеевъ сынъ
 Со этого со дуба со широка;
 Прогдворить стару казаку Ильѣ Муромцу,
 Ильѣ Муромцу, сыну Ивановичу:
 „Только нагнано Татаръ поганыхъ—
 „Сѣрому волку въ день не обскакать;
 „И черному ворону въ день не облетать,
 „И не честь русскимъ могучимъ богатырямъ,
 „Надо ѣхать ко Татарамъ ко поганымъ“.
 И поѣхалъ младъ Ермакъ Тимоеевъ сынъ
 На это на поле на чистое.
 Ко отымъ Татарамъ ко поганымъ.
 Высталъ старый казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 Отъ этого отъ сна да богатирскаго;
 И высталъ онъ да во широкъ дубъ,
 И посмотрѣлъ да ко той рѣки да ко Смородиной,
 И ко тому ль ко каменю ко Латарю,
 Ко тому ль дубу да ко широку;
 Посмотрѣлъ то во трубу подзорную
 На поле на чистое.
 И только нагнано Татаръ поганыхъ—
 И сѣрому волку въ день не обскакать,
 И черному ворону въ день не облетать;
 И младъ Ермакъ Тимоеевъ сынъ
 И ѣдидъ на томъ ли койъ ва богатирскоемъ
 По этому то полю на чистому,
 И плеточкой коня богатирскаго понуживаетъ,
 И палицей булатной погрываетъ.

И во поли чистомъ младъ Ермакъ Тимоеевъ сынъ,
 Какъ на морѣ волна да колеблется,
 Рубить Татаръ да поганыхъ.
 Разгорѣлось у старого казака Илья Муромца сердце бога-
 тирское:

„Воротитесь, рускинъ могучинъ богатыри!
 „Воротитесь во столичный градъ во Киевъ!
 „Поѣду единъ во поле во чистое“.
 Садился на коня богатирскаго
 Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 Плеточкой коня богатирскаго понуживаетъ,
 Палицей булатной погрываеъ;
 Приѣхалъ ко Татарамъ ко поганымъ на поле на чистое.
 Стали рубить Татаръ поганыхъ—
 Со отымъ со младымъ Ермакомъ Тимоеевичемъ;
 И прирубилъ Татаръ да поганыхъ
 На этомъ на полѣ на чистомъ.
 Возвратились они ко городу ко Киеву,
 Ко Солншну князю ко Владимиру;
 Зашли къ нему въ палаты книженецкіи;
 Крестъ они кладываютъ по писаному,
 Поклонъ ведутъ по ученому
 И на двѣ, на три, четыре на стороны поклоняются,
 И Солншку князю Владимиру да въ особину.
 „Солншко Владимиръ, князь стольно-Киевскій!
 „Прирубилъ мы всѣхъ Татаръ поганыхъ,
 „Со младымъ Ермакомъ Тимоеевичемъ,
 „По родительскому прощеньиу,
 „По Вожьему благословеньиу“.
 (Зан. М. Гурьевичъ отъ Шеголевленкова).

Добрыня Никитичъ.

1 1).

Добрынишка матушкѣ говаривалъ:
 „Свѣтъ-государь — моя матушка,

1) См. въ изсѣдованіи О. Ѳ. Миллера стр. 497—498.

„Честна вдова Евфимья Александровна,
„Дай-ко мнѣ прощенье благословеннице,
„Бьхат во далеке, далеке во чисто поле,
„Отвѣдать мнѣ плеча да богатирскаго
„Бровавитъ-битъ мнѣ поганыхъ Татаровей“.

Отвѣчаетъ ему свѣтъ его матушка,

Честна вдова Евфимья Александровна:

„Ай-же ты, мос да чадо милое,
„Молодой Добрынюшка Никитиней,
„Какъ бы родился ты сплюю въ Кострова Демьяновчя,
„А ухваткой въ стараго казака да Илью Муромца,
„А походочкой еъ Чурилу Пленковича!“

„Ай свѣтъ, свѣтъ государь моя матушка,
„Ты на что меня Добрынюшку спородила,
„На что меня на бѣлой свѣтъ поустыла,
„Спородила бы Добрыню бѣлымъ камешкомъ,
„Кинула бы камешокъ да въ сине море,
„Лежалъ бы Добрыня бѣлымъ камешкомъ въ спнемъ морѣ“.

Тутъ-то его матушка рослакалася,
Давала прощенье-благословеньице;

Тутъ Добрынюшка возрадовалъ;

Попшелъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Сбѣдаль-то Добрынюшка добра коня,
Сивушка и бурушка косманнаго,

Застягивалъ двѣнадцатю подругами,

Тринадцатю натягивалъ продольну;

Тутъ-то попшелъ во свою палату грановитую,

Ко честной вдови ко Овфимья Александровнѣ,

Паль-то онъ во правую во поменъку,

Самъ говорилъ таковы слова:

„Свѣтъ государь моя матушка,
„Честна вдова Овфимья Александровна,
„И въ томъ же молода Настасья Никулична!
„Если я не буду черезъ три года да изъ чиста поля,
„Такъ ты, жена моя болярня, поди на всѣ четыре сторони,
„Только не ходи за моего за брата за названнаго;

„Тотъ-то Олема Пустохвастовичъ—
„Пустымъ Олема хвастаетъ,
„Неблизней онъ да похваляется;
„А поди хотъ за князя за боарна,
„Хотъ за спальнаго богатыра,
„Тутъ тебѣ да воля вольная“.

Выходилъ Добрынюшка Никитинчѣ,

Со той со палаты грановитыя,
На свой-то на широкой дворъ,
Садился Добрынюшка на добра коня,—
Только видѣли молодца садучисъ,
Не видѣян удалаго побдучисъ;
Отъ того ли копыта лошадинаго,
Въ чистомъ полѣ будто слоанъ стойтъ.
День-то за день, какъ ручей бѣжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ рѣка течетъ.
Прошло того времечки три года,
Не видать-то Добрыни со чиста поля.
Сталъ тутъ Олешинья подхаживатъ,
Сталъ онъ Настасью подговариватъ:

„Ты поди-ко, Настасья да Никулична,
„За меня за Олешеньку за мужество;
„Я вечеръ прѣѣхалъ изъ чиста поля,
„Видѣлъ Добрынюшку убитаго,
„Вуйной головой лемитъ во ракиговъ кусть,
„Рѣзаны ножками лежатъ онъ во Почай-рѣку“.

Она-то была женщина умная,

Исполнила заповѣдь мужнюю,
Положила заповѣдь женскую:

„Еще пройдетъ друго три-годы,
„Исполнится того времечки да вѣдь шесть годовей,
„Потомъ-то я хотъ вдовой живни, хотъ за мужъ поди“.
День-то за день, какъ дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ ручей бѣжитъ,
Годъ-то за годъ, какъ рѣка течетъ.
Потомъ сталъ Олешинья подхаживатъ,

Сталъ Настасью онъ тутъ подговаривать:

„Если ты добромъ нейдешь, такъ я силою возьму,

„Будетъ у меня свать князь стольно-Кіевскій,

„Княгиня будетъ свахой Апраксія“.

Потомъ у нихъ начался почётстой шпръ:

А Добрынюшка спитъ во чистомъ полѣ,

Во бѣломъ шатрѣ спитъ-прохлаждается,

Надъ собой невгоды не начается.

Тутъ налетѣлъ воронъ-птица черная,

Съяз онъ на сырой дубъ и сталъ кричать

Человѣчьимъ голосомъ:

„Какъ ты спишь, Добрынюшка Никитиничъ,

„Надъ собой-то ты невгоды не вѣдаешь;

„Надъ тобой невгода есть великая:

„Какъ твою то молодѣ жена Настасья Никулчица

„За мужъ пошла за твоего за братца названого

„За Олешеньку Поповича“.

Тутъ его конь-лошадъ добрая

Сталъ копытомъ бить да о сыру землю,

Стала матушка сыра земля подрагивать;

Отъ того отъ сна крѣпшаго

Добрынюшка пробуждается,

Выходитъ онъ съ шатра бѣлополотняна,

Конь-лошадъ добра

Человѣчьимъ языкомъ провѣщилъ:

„Ай же ты, Добрыня Никитиничъ!

„Ужь ты спишь во шатрѣ да прохлаждаешься,

„Надъ собой невгоды не начеаешься;

„Надъ тобой-то есть невгодушка великая:

„Твоя-то молодѣ жена

„Молода жена Настасья Никулчица,

„Она вѣдь пошла за мужество,

„За твоего за братца названого,

„За Олешеньку Поповича“.

Повернулся Добрыня крутѣшенько,

Одѣвался Добрыня скорешенько,

Снаряжался Добрыня со чистѣ поля,

Садился Добрыня на добра коня,

Самъ говорилъ таковы слова:

„Ахъ-ты конь-лошадъ добрая,

„Сяди ты везла ровно шесть годовъ,

„А отсель провези да ровно два часа“.

Какъ пошелъ конь да лошадь добрая,

Рѣки, озера перескакивалъ,

Мелкія источники межъ ногъ пустилъ.

Скоро скажется, по усѣхѣ дѣло дѣтса.

Проѣхалъ онъ Добрыня полтора часа;

Будетъ онъ у своей палаты грановитыя,

У того посела богатырскаго,

Будетъ онъ подъ окошечкомъ косивчатимъ,

Какъ сидитъ его родители матушка,

Честна вдова Овфимья Александровна,

Подъ тымъ подъ окошечкимъ окошечкомъ.

„Ахъ ты, честна вдова Овфимья Александровна,

„Дай же ты мнѣ милостишку,

„Ради молодца Добрыня Никитича“.

„Ахъ вы, шить калки перехожіи!

„Кабы былъ онъ Добрыня Никитиничъ,

„Кабы былъ то онъ да во живностиахъ,

„На досугѣ бы вамъ каликамъ насмѣхатися,

„Мной старухой слотыкатися“.

Какъ не досугъ Добрыни много разговаривать,

Снималъ онъ шляпу со головушки.

„Ахъ ты, родитель, моя матушка!

„Я не шить калка перехожаа!

„Я есть молодой Добрыня Никитиничъ“.

„Ахъ ты, шить калка перехожаа!

„У моего у Добрыни Никитича

„Есть на головушкѣ родимая знадеба“.

Какъ увидала старушка родну знадебу,

Какъ не вѣсть-то старушка враздводалася,

Не зная старушка испугалася;

Побѣжала старушка къ воротамъ рѣшетчатымъ,
Какъ взидала свое-то чадо милое
За ручки за бѣлыя,
Цѣловала во уста во сахарныя.
Онъ говоритъ да такovy слова:

„Ахъ-ты родитель моя матушка,
„Что же ты меня встрѣчаешь,
„А не встрѣчаешь молода жена,
„Настасья Никулишна“.

Тутъ старушка говоритъ такovy слова:
„Твоя-то молода жена, любимая семья,
„Настасья Никулчна,
„За мужъ пошла за мѣлода Олешеньку Поповича“.
Не досугъ долго разговаривать Добрынь Никитичу,
Самъ говорилъ онъ такovy слова:

„Ай-же ты родитель моя матушка,
„Честна вдова Овфимья Александровна,
„Поди-ко ты во нову во горенку,
„Возми-ко мое платье скоморошное,
„Возми-ко гусельца яровчатны,
„Возми мою дубинку подорожну,
„Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единого“.

Взимала старушка во правую рученьку
Платье скоморошное,
Подъ правую подъ пазушку
Гусельца яровчатны,
Во лѣвую во рученьку брала дубинку подорожну,
Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единого;
Принесла старушка Добрынь Никитичу.
Тутъ Добрынюшка одѣвался скорымъ нѣско, р
Взималъ онъ гусельца яровчатны,
Подъ правую подъ пазушку,
Взималъ онъ дубинку подорожну
Во лѣвую во рученьку;
Поешелъ онъ улками да переулками,
Идетъ онъ на почестень пиръ,

Идетъ Добрыня по улицамъ; увидали робятка
И стали говорить такovy слова:

„Идетъ тутъ не легка скоморошина,
„Идетъ тутъ Добрыня Никитичъ,
„Идетъ онъ Добрыня на почестень пиръ“.
„Ахъ вы ребятка, не говорите про Добрыню Никитича,
„Ужъ я владѣ пойду, да вамъ калачъ куплю“.

Пришелъ Добрыня во почестень пиръ
Во ти палаты княженецки,
Ужъ онъ крестъ кладеть да по писаному,
Поклонъ ведеть да по ученому,
Ужъ онъ клонится на всѣ четыре стѣроны,
Князю съ княгиней въ особину,
Честнымъ гостямъ любимымъ въ особину,
Самъ говоритъ такovy слова:

„Ай-же ты, царь стольно-Кіевскій,
„Дай-ко ты мнѣ мистечка немножечко,
„Дай-ты мнѣ мѣсто скоморошное“.

Потомъ говоритъ царь стольно-Кіевскій:
„Твое мѣсто скоморошное на зѣпечья“.
Эта легка скоморошина—сказала онъ на зѣпечья,
И садился на печку муравлину;
Струну натягивать отъ Царя-града,
А другую направлять отъ Иеросалима,
Онъ песни ведеть съ за синя моря.
Да какъ тутъ князь стольно-Кіевскій расслушался,
Эти ему песни прплюбилса;
Игра ему да приглянулася.

„Ай-же ты, легка скоморошина,
„Выходи-ко ты да изъ зѣпечья,
„Не твое сидѣть мѣсто на зѣпечья,
„Я дамъ тебѣ три мѣстечка:
„Первое мѣсто подай меня,
„Другое мѣсто супротивъ меня,
„А третее мѣсто, гдѣ тѣ либо есть“.

Тутъ говоритъ легка скоморошина:

„Дай-ко ти мнестечка не множечко,
 „Позволь своим гостям любимым по раздвинутся,
 „Позволь мнѣ-ка съѣсть супротивъ князя, супротивъ кня-
 жини“.

Тутъ садился лѣгка скоророшина

На ту скамеечку дубовую.

„Ты позволъ-ка, князь стольно-Кіевскій,

„Намъ съ княгиней да перелитися“.

Вѣсомъ чара полтора пуда,

Мѣрой чара полтора ведра,

Принималъ тутъ чару единой рукою

И выпивалъ Добрыня единымъ вздохомъ;

И ту жь чару наливалъ онъ княгинѣ молодой,

Молодой Настасьѣ Миклуличной;

Спускалъ онъ въ ту чару свой перстень вѣнчалный,

Съ которымъ они да обручались;

Подавалъ онъ чару единой рукою,

Молодой Добрыня Никитинечъ,

Самъ говорилъ таковы слова:

„Ай же ты, молода Настася Миклулична,

„Вери-ко чару единой рукою,

„Выпивай-ко чару единымъ вздохомъ.

„Ужъ ты пьешь до дна, такъ увидишь добра,

„Ужъ не пьешь до дна, такъ увидишь добра“.

Принимала чару единой рукою,

Выпивала чару на единый вздохъ,

Увидала въ чарѣ свой перстень вѣнчалный

Своего мужа Добрыня Никитича,

Сама говоритъ таковы слова:

„Не тотъ мой мужъ, кой подли меня,

„А тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня —

„Молодой Добрыня Никитинечъ“.

Сама ставала на ножки на рѣзвыя,

Скакала чрезъ столы чрезъ дубовыя,

Черезъ тѣя ѣсци сахарныя,

Черезъ тѣя пята медвяныя,

Брала за ручки за бѣлины,

Цѣловала въ уста во сахарныя.

Тутъ Добрыня Никитинечъ —

Его ли сердце разгорѣлось,

Самъ говоритъ таковы слова:

„Не дивую я разуму женскому,

„А дивую я уму княженецкому,

„Какъ отъ жива-то мужа да жену увелъ“.

Какъ вѣнчалъ тутъ Добрыня Никитинечъ

Олешу Поповича

Вѣнчалъ онъ за желтыя кудри,

Бросилъ онъ его да о кипричной поляхъ,

Пихнулъ его подъ ж... проклятаго

Съ того-то со стыда со великаго;

Онъ клянется Олеша, проклинается:

Не всякому женидба удаается;

Удавалася женидба тремъ молодцамъ,

Сильнымъ могучимъ богатырямъ,

Первому богатырю Ставру Годиновичу,

А другому Ильѣ Муромцу,

А третьему Добрынь Никитевичу.

Онѣ были три сестри,

Одна Настася Миклулична.

(Запис. А. Николаевскимъ въ приходѣ Кузгана, въ Филимоновой волости.)

2).

На славной на заставѣ на Московской

Стояло тамъ двѣнадцать богатырей.

Русскіи могучіи богатыри, полѣтницы удални!

„Кого мы пошлемъ, богатыри, во землю во Тальянскую?“

Проговорятъ богатыри да таково слово:

„Если послать Святогора богатыря, —

„Не кому стоять на заставѣ на Московской.

„Послать намъ Добрынюшку Никитича

1) См. въ изслѣдованіи О. 6. Миллера, стр. 302.

„Во эту во землю во Тальянскую,
„Отъ короля да великаго,
„Великаго да отъ Литовскаго.

„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка, ко этому подворью ко
вдовинному

„И къ честномужней вдови

„Афимь Александровѣ,

„Попроси-тко ты, Добрынюшка, прощеньца-благосло-
веньца —

„И ѣхать во землю во Тальянскую“

Пріѣзжаетъ Добрынюшка къ честномужней вдови,
Къ Офимь Александровѣ;
И крестъ-отъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ да по ученому
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
Честномужней вдови Офимь Александровѣ.
Дѣлать онъ поклонъ да въ особину.

„Честномужняя вдова Офимья Александровна!

„Дай-ко ты мнѣ прощеньца, благословеньца

„ѣхать во землю во Тальянскую,

„Надо намъ биться да ратиться,

„И стоять-то за Кіевъ за столичный градъ,

„И за свое-ли то родное отечество,

„И за вѣру-то да христіанскую“.

И прогворитъ честномужняя вдова Офимья Александровна:

„Узналъ-то Солнышко Владиміръ князь о твоей-то о храб-
рости,

„Когда ростила вдова да вѣдь несчастная

„Тебя да и Добрынюшку Никитича;

„Хочетъ разлучить Солнышко Владиміръ князь

„И русскіи могучіи богатыри;

„Видно, не кого послать въ землю во Тальянскую.

„Я знала бы тебя да вѣдь Добрынюшку —

„Я силой спородила бы тебя въ Святогора да богатыря,

„А сѣвостью спородила бы супротивъ

„Стара казана Ильи Муромца,

„Ильи Муромца, сына Ивановича;

„Грамоты бы тебя повучила супротивъ Ошешеньки Поповича“.

Заходитъ онъ, Добрынюшка, въ конюшню богатырскую,

Вереть ли себѣ копы да богатырскаго;

Надѣваетъ на коня-то онъ уздичу тесмяную,

И кладываетъ на коня-то онъ исподнички,

И на исподнички кладываетъ онъ войлочки

И на войлочки-то сѣделышко,

Сѣделышко да черкасское;

И застегиваетъ поддрупы въ этомъ сѣделышкѣ черкасскомъ
дѣвѣнадцатеру —

Не для-ради красы, ради крѣпости;

Завязываетъ связочки семи шелковы —

Не для-ради красы, ради крѣпости.

И во этихъ стременахъ бузатныхъ

Были-то пряжки серебряныя,

И во пряжкахъ штилечки чиста золота;

И булаты-то желѣзо не ржавлѣетъ,

Арабское золото не держится.

Осѣдлалъ-то Добрынюшка коня да богатырскаго.

И держитъ во умѣ, Добрыня, таково слово:

„Поѣхать-то надо мнѣ во землю во Тальянскую

„И надо тамъ мнѣ биться да ратиться,

„И стоять-то Добрынюшкѣ за столичный градъ за Кіевъ

„И за свое ли то родное отечество

„И за ту ли то за вѣру христіанскую,

„И повзбратъ пошлуну за дѣвѣнадцать лѣтъ

„Отъ того-то короля да отъ Литовскаго“.

Прогворитъ честномужняя жена Офимья Александровна
таково слово:

„Что же ты, Настасья Миклушица, не прощайся

„Со своимъ-то мужем да законнымъ?

„И избралъ его Солнышко Владиміръ князь, —

„Подписались русскіе могучіи богатыри

„И тыи полѣвница удалая“.

И стала Настасья Миклушица

На свои ль она да на рѣзвы поги,
 И утупила свои очи ясны во калиновѣ мостѣ;
 Идешь-то по покоямъ блѣдубувымъ,
 И выходить на крыльцо-то на переное,
 И опускается по лѣстницѣ паратной
 И на свой-то на широкій, на бѣлый дворъ;
 Приходить-то къ Добрынь Никитичу
 И говоритъ-то она да таково слово:
 „Ай же ты, мой мужъ да законный,
 „Поѣдешь ты въ землю во Тальянскую!
 Прощалась тутъ Настасья Миклушпина
 Со своимъ мужемъ законнымъ,
 Съ Добрынюшкой Никитичемъ.
 Прогѣворя въ Добрыню таково слово:
 „Ай же ты, моя жена законная, Настасья Миклушпина!
 „И ждите меня въ три года
 „Со той земли да съ Итальянской.
 „И пройдетъ тому времени три года—
 „И ждите вы меня тогда шесть годовъ;
 И пройдетъ тому времени шесть годовъ—
 И ждите меня вы тогда девять лѣтъ;
 И пройдетъ тому времени девять лѣтъ,—
 И ждите меня да вы двѣнадцать лѣтъ;
 И пройдетъ тому времени двѣнадцать лѣтъ—
 И тутъ ты, Настасья Миклушпина,
 Хоть замужъ поиди, хоть вдовой живи;
 Только не ходи за смѣлаго Олешу Поповича
 За того ль за дѣвочки насмѣшника
 И за мого названнаго меньшаго браталка.
 Тутъ садился Добрынюшка на коня да богатирскаго,
 Сталъ да понукаивать плеточкой шелковой
 И помахивать сталъ палицей булатной—
 Палица булатная вѣсомъ сорока пудовъ.
 И малин рѣпки конь богатирскій перемахивалъ,
 Озера-то онъ да перескакивалъ;
 Куда конь-то летитъ, туда испоконъ столбомъ стоять.

И поѣхалъ онъ изъ земли въ землю,
 Изъ орды въ орду;
 И съѣхалъ-то Добрыню въ королю въ Литву.
 И началъ дѣлать онъ дѣло медленно:
 И проходить тому времени три года—
 И не видно Добрыни со чиста поля;
 И проходить тому времени шесть годовъ—
 Не видно Добрыни со чиста поля;
 Проходить тому времени девять лѣтъ—
 Не видно Добрыни со чиста поля;
 Проходить тому времени двѣнадцать лѣтъ—
 Не видно Добрыни со чиста поля.
 И застучалось на томъ ли крыльцѣ да на переноемъ,
 У того ли кольца да золоченаго,
 У той ли палаты богатирской.
 И проговоритъ честномужняя жена Офимья Александровна
 Сквозь свои слезы да горючія:
 „Какъ бѣдъ бы Добрынюшка Никитичъ,
 „И не дошло бы надсмѣяться надъ подворьщемъ надъ вдо-
 виншимъ“.
 Отворила ворота да богатирскія
 Честномужняя жена Офимья Александровна,
 И пришло три калѣйки-перехожихъ;
 Лапотки на ножкахъ семи шелковъ,
 Котомочки за плечами бархатны;
 Крестъ-отъ кладутъ да по писаному,
 Половнѣ-отъ ведутъ да по ученому,
 И на двѣ, и на три, и на четвѣре на сторонки поклоняются,
 Честной мужней жепѣ Офимь Александровной
 Они дѣлають поклонъ да особенный.
 Одинъ-тотъ прогѣворитъ колѣба-перехожій:
 „Честномужняя жена Офимья Александровна!
 „Я и видѣлъ Добрыню во чистомъ полѣ
 „Во той землѣ да во Тальянской,
 „У того-ли то короля да у Литовскаго
 „Твоей Добрынюшка да въ услуженіи,

„Разъѣзжать Добрыня во чистомъ полѣ,
 „Попуживаетъ коня плеточкой шелковой,
 „Понгриваетъ палицей булатной“.

Другой проговоритъ калѣба-перехожий:
 „Я и видѣлъ Добрынюшку убитаго,
 „Буйна головушка Добрынюшки разломана,
 „Бѣлы грудюшки Добрынюшки распластана,
 „И конь богатырской—по колѣвъ въ крови,
 „Растетъ-то на Добрынюшкѣ травонка шелковая,
 „Прѣтутъ-то вѣдь цвѣтки лазуревы“.

Опечалилась честномужняя жена Офимья Александровна,—
 И нѣтъ-то Добрынюшки во живности!
 Третій проговоритъ калѣба-перехожий:
 „Ай же ты, Настасья Микулишна!
 „Идешь ли ты да во суиужество
 „За этого Олешу за Поповича,
 „И за того ль да ты дѣвочья насмѣшника?“

И просватала сама себя Настасья Микулишна.
 И поѣхали они со этой палаты богатырской,
 Со этима съ калѣбами да переходжими.
 Надо съѣхать имъ во землю во Смоленскую,
 Ко этому Олешѣ ко Поповичу.
 И среди-то ноченьки-то темныя
 Застучалось у крыльца да у перенга,
 У кольца да золоченаго,
 И проговоритъ честна-мужняя вдова Офимья Александровна
 И сквозь свои слезы горючіи да вдовиныи:
 „Какъ бы былъ мой Добрынюшка во живности,
 „И не дошло бы насмѣяться надъ подворьичемъ,
 „И надъ подворьичемъ да надъ вдовиничемъ!“

Отговорила ворота богатырскія
 Той да палаты богатырской.
 Приходить-то удалый добрый молодецъ незнакомный,—
 Притомивши удалой добрый молодецъ;
 И крестъ-отъ кладетъ онъ по писаному,
 Поклонъ-отъ ведетъ онъ по ученому,

И на двѣ, на три, на четыре на стбронки покланяется,
 Честномужнейей вдовѣ Офимѣ Александровнѣ
 Дѣлаетъ поклонъ да онъ особенный.
 Не узнала, видно, честномужняя вдова Офимья Александровна
 Свою сына Добрынюшку Никитича.
 Беретъ-то Добрынюшку за бѣлки за рученьки,
 За тыи ли за перстни за зланыи,
 Цѣлуетъ во уста да во сахарныи,
 Выговариваетъ она да таково слово:
 „Ай же, ты, Добрынюшка Никитичь!
 „Истомился ты удалый, добрый молодецъ,
 „Во этой во дороженьки во шпрокой“.

И спроситъ Добрыня таково слово:
 „Честномужняя вдова Офимья Александровна!
 „И гдѣ же моя законная жена Настасья Микулишна?“

Туть проговоритъ она да таково слово:
 „Ай же ты, Добрынюшка Никитичь!
 „Просватала сама себя Настасья Микулишна
 „За смѣлаго Олешу за Поповича,
 „За того ли за дѣвочья насмѣшника,
 „И за твоего за меньшаго за браталка.
 „Проходитъ тому времени три денька,
 „Какъ уѣхала Настасья Микулишна
 „Со этой палаты богатырской“.

Заходитъ туть Добрынюшка во свой кабинетъ да богатырскій
 И беретъ-то три златниці, три серебряныи:
 И кажда-златница стоить сто рублевъ,
 Оборачиваетъ коня да богатырскаго
 Отъ своей-то палаты богатырской,
 Какъ во эту путь да во дороженьку;
 Плеточкой коня онъ попуживать
 И палицей булатной Добрынюшка понгривать,
 Палицей булатной богатырской.
 И прѣязаетъ Добрынюшка во землю во Смоленскую
 Ко этому двору да богатырскому;
 И заперти ворота богатырскія

На этотъ на шйрокъ, на бѣлый дворъ;
 Поставлены сторожа да тутъ вѣрши
 У этого Олешеньки Поповича
 Ко этимъ воротамъ да богатырскимъ;
 Не пропустятъ оны ни коннаго, ни пѣшаго
 На шйрокъ на бѣлый дворъ
 Ко этому Олешѣ ко Поповичу.
 Прогѣворилъ Добрыня таково слово:
 „Ай же вы, слуги вѣрнии Олени Поповича,
 „Вы возьмите-ко съ меня—съ дѣтнущки да скомарешенька,
 „По златницѣ вы, да по серебрянной—
 „Каждая златница стоитъ сто рублевъ“.
 И взяли эти слуги вѣрнии съ дѣтнущки скомарешенька
 Двѣ златницы, двѣ серебрянныя;
 Отворили ворота да богатырския,
 Привязали коня да къ золоту кольцу
 На этомъ дворѣ да богатырскоемъ;
 И провели его дѣтнущку скомарешеньку
 Въ эту палату богатырскую
 И ко этому столу да къ княженецкому.
 Онъ крестъ кладеть да по писаному,
 Повлонъ ведеть да по учепному
 И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
 И столу да княженецкому дѣлаеть повлонъ да особенный;
 И садился дѣтнущка скомарешенькъ
 На эту на печку на земляночку,
 Выигрывать наигрыши хорошии,
 Во этни да во гусельника;
 И перво разстоніе играетъ дѣтнущка скомарешенькъ
 Отъ Кіева до земли Сорочинской,
 Отъ Сорочинской, до Тальянской,
 Отъ Тальянской до Царя-града,
 Отъ Царя-града до Іеросліма.
 Показались Настасьѣ Миклушиной
 Наигрыши хорошии.
 Говорила тутъ она да таково слово:

„Ай же вы, слуги вѣрнии
 „И подданы Олешеньки Поповича!
 „Вы налейте-ко дѣтнущкѣ скомарешеньку
 „Чару зелена вина
 „Не малу, не большу—полтора ведра,
 „Поднесите-тко дѣтнущкѣ скомарешеньку“.
 Выпилъ дѣтнущка скомарешенькъ
 Чару зелена вина,
 Не малу, не большу—полтора ведра,
 Прогѣворить дѣтнущка таково слово:
 „Ай же ты, Настасья Миклушина!
 „Дай же ты мѣстичко сидѣть—
 „Выигрывать выигрыши хорошии въ гусельника“.
 Тутъ прогѣворить Настасья Миклушина:
 „Ай же ты, дѣтнущка скомарешенькъ!
 „Дамъ я тебѣ три мѣстичка
 „И три любимыи
 „Выигрывать во гусельника выигрыши хорошии:
 „Первое мѣсто — подлѣ себя,
 „Другое мѣсто — напротивъ себя,
 „Третье мѣсто — сидѣть на печкѣ на земляночкѣ“.
 И сѣлъ-то дѣтнущка скомарешенькъ
 На эту на печку на земляночку.
 И первое разстоніе играетъ дѣтнущка скомарешенькъ
 Отъ Ерусалима до земли Тальянской,
 Отъ Тальянской до Сорочинской,
 Отъ Сорочинской до Царя-града,
 Отъ Царя-града онъ до Кіева.
 Показались эти наигрыши
 Настасьѣ Миклушинѣ хорошии.
 Проговорить дѣтнущка скомарешенькъ да таково слово:
 „Ай же вы, слуги вѣрнии Олени Поповича,
 „И дайте-ко мнѣ графинъ во мон во бѣлы руки
 „И ставляй да во мон руки“.
 И налилъ дѣтнущка скомарешенькъ чару зелена вина
 Не малу, не большу — полтора ведра,

И спуститъ два перстя обручныхъ,
 Одинъ перстенъ — Добрынюшка Никитича,
 Другой перстенъ — Настасья Микулишной,
 Эти перстя обручальни.
 Полносите дѣтнущка чару зелена вина
 И не малу, не большу — полтора ведра
 Настасья онь да Микулишной,
 Самъ проговоритъ ей да таково слово:
 „Ай же ты, Настасья Микулишна!
 „Ты пей чару до дна, увидишь добра,
 Не пьешь чару до дна — ты не видишь добра“.
 Она выпила чару зелена вина
 Не малу, не большу — полтора ведра,
 И на днѣ — два перстя обручныхъ,
 Одинъ перстенъ — Добрынюшка Никитича,
 Другой перстенъ — Настасья Микулишной.
 Она выстала изъ-за этого стола да съ за окольного
 На свои-то она на рѣзвыя ноги,
 Сама проговоритъ да таково слово:
 „И не тотъ мой мужъ, что за столомъ сидитъ,
 „А тотъ мой мужъ, что осередъ избы стоитъ“.
 Выходитъ изъ-за стола да княженцаго
 Береть-то дѣтнущку скомарешенька,
 Добрынюшку Никитича
 За эти за бѣлки за рученьки,
 За эти за персти за злечени,
 Цѣлуетъ во уста да во сахарны,
 Высталъ Олешинька Поповъ-то сыгъ
 И высталъ на свои да на рѣзвыя ноги:
 „Ай же вы, мои гости званы,
 „Ай же вы, мои да гости брашна!
 „И всякъ кто удалой добрый молодецъ поженится,
 „И не всякому добру молодцу
 „Женитба удавается“.
 И только Олешинька Поповъ сыгъ женать бывалъ.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова).

Дунай Ивановичъ 1).

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
 У ласова князя у Владиміра
 Заводился пированице — почестень пиръ
 На многихъ на князей — на бояръ;
 На русскихъ могучихъ богатырей.
 Прогворитъ Солнышко Владиміръ князь столю-Кіевской:
 „Знаете-ли, русскіи могучіи богатыри,
 „Князю во супружество взять,
 „Было бы съ кимъ вѣкъ коротать и съ кимъ княжество дер-
 жать?“

И прогворитъ Добрыня таково слово:
 „Ты Солнышко Владиміръ князь!
 „Есть у короля храбрѣ три дочери:
 „Первая дочь Опракса королевична,
 „Вторая дочь — Настасья королевична,
 „Третья дочь — невдоростъ“.
 Скажетъ князь Владиміръ столю-Кіевскій:
 „Поѣзжай-ко ты, Добрынюшко, ко королю въ Литву,
 „Посватай-ко Опраксу королевичу
 „За Солнышка князя за Владиміра.
 Испрогворитъ Добрыня таково слово:
 „Не честь молодцу вѣхатъ русскомоу богатырю единому,
 „Другаго надо русскаго змогучаго богатыря!“
 „Выбрай себѣ, Добрынюшко, по разуму“.
 „Поѣдемъ-ко Дунай, сынъ Ивановичъ!“
 И сѣли на коней да богатырскіихъ;
 Куды ископнѣтъ летитъ,
 Туди дымъ столбомъ стаетъ.
 Видѣли богатыревъ посадучисъ.
 И скакали кони съ горъ на гору,

1) Единственный пересказъ, въ которомъ соединяются оба эпические эпизода, связанные съ именемъ Дунай — женитба Владиміра и смерть Настасии королевичны.

Перемахивали съ холмы на холмы,
 И ѣхали они изъ земли въ землю,
 Изъ ордъ въ орду.
 И прїѣхали они къ королю въ Литву,
 Прїѣхали они на королевскій дворъ:
 Проговорилъ Добрыня таково слово:
 „Каравулько ты, Дунай сынъ Ивановчъ,
 „Лошадей да богатирскїихъ
 „Отъ этихъ Татаръ да отъ поганинхъ“.
 Зашелъ Добрыня въ покои королевскїи
 И дѣлалъ поклони королю въ особину,
 И утунялъ-то очи ясны во калиновъ мостъ.
 И проговоритъ король земли Литовской:
 „Ай же ты, Добрынюшка, не по старому ль, не по прежнему,
 „И прїѣхалъ къ королю въ Литву во служение?“
 Проговорилъ Добрыня таково слово:
 „Прїѣхалъ я, король земли Литовской,
 „Посватать у тебя Опракси королевичны,
 „За Солнышка князя за Владимира“.
 Проговоритъ король земли Литовской:
 „Садись-ко ты, Добрынюшка, съ дороженьки на широко
 стулъ п подтохнѣ“.
 Проговорилъ Добрыня таково слово:
 „Ай же ты, король земли Литовской!
 „Недосугъ послу сидѣть да разсѣивать;
 „За то посла скоро жалуютъ!“
 Приходитъ Татаринъ въ покои королевскїи
 И проговоритъ королю да таково слово:
 „У тебя на дворѣ Татаръ да мало ставится, проѣдается“.
 И проговорилъ король земли Литовской:
 „Ай же ты, Добрыня Никитичъ!
 „Не одинъ же ты прїѣхалъ къ королю храбръ Литовскому!
 „Уймн-тво ты русскаго могучаго богатыря,
 „Чтобы не рубилъ моихъ Татаръ поганинхъ“.
 Проговоритъ король земли Литовской таково слово:
 „Поѣзжай-ко ты ко городу ко Киеву, Добрынюшко!

„Отдамъ я Опраксу Королевичу за Солнышка князя за
 Владимира.

Прощались русскїи могучїи богатыри—
 Добрынюшка Никитичъ и Дунай сынъ Ивановчъ,
 И на этоемъ дворѣ да королевскомъ.
 Поѣхалъ Добрынюшка ко городу ко Киеву
 И къ тому князю во Владимирю.
 Остался Дунай, сынъ Ивановчъ,
 У короля храбра у Литовскаго.
 Были они во почетномъ во гостебницѣ у Настася Короле-
 вичны.
 Проговоритъ Дунай сынъ Ивановчъ, таково слово:
 „Идемъ ли ты за Дунай Ивановча въ супружество?
 Говорила Настася Королевична: „Иду да во супружество“.
 „Выйдемъ-ко, Дунай сынъ Ивановчъ,
 „На это ли поле, да на широко;
 „Стрѣляй стрѣлочекъ да каленнхъ,
 „Изъ этого вѣзъ луку да изъ тугаго“.
 Наладилъ размѣръ да на сто сажень,
 Поставилъ кольцо да серебряно,
 И во этомъ во полѣ широкоемъ;
 Поставилъ ножничекъ булатный
 Противъ кольца да серебряна,
 И стрѣлялъ эту стрѣлочку каленную
 Во это кольцо да серебряно
 И во это въ ножничекъ булатный,
 И разрубилъ эту стрѣлочку каленную:
 Одна половина — другонъ не больше
 И въсомъ не тяжель.
 И стрѣляла Настася Королевична
 Изъ этого вѣзъ луку да изъ тугаго,
 И пошла во кольцо да во серебряное,
 И пошла въ этотъ ножничекъ булатный,
 И разрубилъ эту стрѣлочку каленную,
 Одна другой половины не больше,
 И въсомъ она не тяжельче.

И проговори Настася Королевична:
„И не стрѣлай-ко ты, Дунай сынъ Ивановичъ,
„И стрѣлочка да каленой
„Изъ этого изъ луку да изъ тугаго;
„И не попасть тебѣ въ колце да во серебряно,
„И не попасть тебѣ во ножичекъ булатней,
„И не разрубить тебѣ стрѣлочку каленой“.
И наладился Дунай сынъ Ивановичъ
И стрѣлать-то стрѣлочкой каленою
Изъ этого изъ луку да изъ тугаго.
Онъ первый разъ стрѣлял, да не дострѣлял;
Онъ во второй разъ стрѣлял, да перестрѣлял;
И проговори Настася Королевична:
„Не стрѣлай-ко ты, Дунай сынъ Ивановичъ,
„Попадешь-де ты въ мои да во бѣлыя груди,
„И я тебѣ спорожу сына единого,
„И по колѣна-то ножки въ серебръ,
„И по локоточки да ручки въ золото;
„Брови спорожу—ясна сокола
„И очи спорожу—краснымъ солнышкомъ,
„И на головы да мѣсяцъ свѣтлый“.
Онъ стрѣлял да Дунай сынъ Ивановичъ
Стрѣлочку да каленую;
Попала та Настася Королевичица
И во эти да во бѣлыя груди;
И пала Настася Королевична о спру землю.
И прослезился Дунай сынъ Ивановичъ,
Распотрошилъ онъ чрево дѣвичье,
И засѣялъ младенцевъ, какъ выговаривала.
И проговори Дунай да сынъ Ивановичъ:
„И куди легла Настася Королевична,
„И тутъ лягу, Дунай сынъ Ивановичъ“.
И отъ Настаси Королевичной
И отъ сына Дунай сына Иванюча
И прошла тутъ Дунай рѣка.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ крестьянина Василія Щеголенкова).

Василій Вуславичъ (Дунай Ивановичъ).

Жилъ былъ молодецъ единешенькъ,
Былъ-то онъ охочъ гулять, загуливать,
Долги вѣчеры прохаживать,
Осенни ноченьки пробживать,
По зеленымъ по затресьямъ погуливать,
Стрѣлять онъ сбродланыхъ утушекъ,
Удалыхъ добрыхъ селезеньевъ.
Женилъ добра молодца батюшко неволею,
И неволею да неохотомъ.
Приданого много—человѣкъ-отъ худой!
Куди пошлешь—отгуль жена не дождешься,
И дождешься—да не доспросишься,
И отвѣтъ-отъ подастъ.
И тутъ молодецъ пораздумался:
И какъ мнѣ-ка будетъ жить, поживать!
Дунай! Дунай! На столъ собирай!
Любима я вѣсна—ѣсть хочется!
Вечоръ ли я, добринькой молодецъ, не ужиналъ,
Утромъ всталъ—не позавтракалъ,
Схватился объѣдать—хлѣба нѣтъ.
Помель молодецъ со своей земли,
Помель молодецъ изъ орды въ орду,
Пришелъ молодецъ къ королю въ Литву,
Приходитъ молодецъ въ покои королевскія,
И спроситъ король земли Литовской;
Спроситъ король: „Какой молодецъ?“
Отвѣтъ держалъ удалый добрый молодецъ:
„Ай же ты, король земли Литовской!
„Есть я Василій де Вуславичъ.
„Возьми-тео ты меня, король земли Литовской, въ услуженіе“.
Отвѣтъ держалъ король земли Литовской:
„Возьму тебя, удалый добрый молодецъ,
„Василій да Вуславичъ!

„Первый годъ живи ты у меня
 „У воротъ да приворотникомъ,
 „Другой годъ—да ты придверникомъ;
 „Потомъ же ты, Василій да Буслаевичъ,
 „Можешь ты быть у меня конюхомъ“.
 Первый годъ жилъ приворотникомъ,
 Вина-то я не пилъ
 Удалий добрый молодецъ
 Василій да Буслаевичъ,
 Бѣлымъ сахаромъ да не закусывалъ;
 Другой годъ-то жилъ придверникомъ,
 Вина-то я горькаго не пилъ
 Удалий добрый молодецъ
 Василій да Буслаевичъ,
 Бѣлымъ сахаромъ да не закусывалъ;
 И третій годъ я жилъ въ конюхахъ,
 И вина-то я не пилъ
 Удалий добрый молодецъ
 Василій да Буслаевичъ,
 Бѣлымъ сахаромъ да не закусывалъ;
 Господь Богъ меня помпловалъ
 Удаля добра молодца
 Василья да Буслаевича;
 Король меня много жаловалъ,
 Король земли Литовской.
 „Ты, Василій да Буслаевичъ,
 „Удалий добрый молодецъ,
 „И будешь служить у меня ключникомъ“.
 И семь-то годовъ жилъ съ дочерью съ королевскою,
 И спать-то у ней на бѣлой руки, у бѣлой груди.
 И проходить тому времени двѣнадцать лѣтъ.
 Удаля добру молодцу Василью да Буслаевичу
 По своей сторонѣ ему стосковалось,
 И зашелъ-то удалий добрый молодецъ
 Василій да Буслаевичъ,
 На царевъ кабакъ зашелъ

И выпилъ чару зелена вина,
 И другую выпилъ похмѣльную:
 „Я удалий добрый молодецъ
 „Василій да Буслаевичъ.
 „Жилъ ли-то я у короля въ Литвѣ,
 „У короля въ Литвѣ да въ услуженіи.
 „Первый годъ жилъ приворотникомъ,—
 „Господь Богъ меня мпловалъ,
 „Король да Литовскій жаловалъ,
 „Другой годъ жилъ я придверникомъ,—
 „Богъ меня мпловалъ,
 „Король Литовскій жаловалъ;
 „Третій годъ жилъ я во конюхахъ,—
 „И Богъ меня мпловалъ,
 „Король Литовскій жаловалъ;
 „И жилъ я годъ въ ключникахъ,
 „Богъ меня мпловалъ,—
 „Король Литовскій жаловалъ;
 „Семь годовъ жилъ я со дочерью съ королевскою,
 „Спать-то у ней на правой рукѣ
 „На правой руки, у бѣлой груди“.
 Услыхали тутъ слуги вѣрныи короля Литовскаго,
 Похвасталъ удалий добрый молодецъ
 Василій да Буслаевичъ красной дѣвухой.
 И сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
 И связали-то ему да ручки бѣлыи,
 И завѣсили ему да очи ясныи,
 И поводить удаля добра молодца
 Василья да Буслаевича
 На это ли на поле да на чистое,
 Ко этой ко илазѣ дубовой
 Отрубить-то ему да буйну голову,
 И придать-то смерть ему напрасную
 И выпить ему сердце ко печеню.
 „Ай вы, слуги вѣрныи
 „Короля да Литовскаго!

„Вы возьмите съ меня денежек по сту рублей
„И ведите меня мимо королевскихъ домъ,
„Последнее мнѣ съ нею проститися,
„Последне съ ней да расставатися“.
Привели-то слуги вѣрши короля Литовскаго
Противъ терема да королевина,
Крыкнулъ-то Василій Буслаевичъ громкимъ голосомъ:
„Прощай-ко ты, дочь да королевская!
„Зашелъ я, Василій Буслаевичъ, на царевъ кабакъ
„И вышилъ я чару зелена вина,
„Другую вышилъ я да похмѣльную,
„Я похвасталъ тобой да красной дѣвухой.
„Услыхали тутъ слуги вѣрши
„Короля да Литовскаго,
„Захватили-то меня добра молодца
„Василья да Буслаевича
„И сковали-то мнѣ да ножки рѣвны,
„И связали да мнѣ ручки бѣлыя,
„И завѣспяи мнѣ очи ясныя,
„И повѣдятъ на поле на чистое,
„Къ той ли ко плахѣ дубовой
„Отрубить да буйну голову,
„Придать да смерть напрасную
„Вынять сердце мнѣ со печенью“.
Говорила дочь королевская:
„Ай вы слуги вѣрши
„Короля Литовскаго!
„Вы раскуйте ему да ножки рѣвны,
„Развяжите ему да ручки бѣлыя
„И отверите ему очи ясныя;
„И спустите Василья Буслаевича
„На волюшку его да на вольную“.
Увела эта дочь-то королевская
Удалаго добраго молодца,
Василья да Буслаевича,
Во этни во терема высоки,

И сама на словахъ ему да выговаривать:
„Ай же ты, Василій да Буслаевичъ,
„Удалый ты да добрый молодецъ!
„Не зайдн-тко ты больше на царевъ кабакъ,
„И не выпей-ко ты больше чару зелена вина,
„И не выпей-ко другой похмѣльной,
„И не похвастай мной красной дѣвухой“.
Прощалась эта дочь да королевская
И съ удалымъ добрымъ молодцемъ
Съ Васильемъ да Буслаевичемъ;
И со этнихъ со теремовъ высокихъ,
Попель-то удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичъ
Отъ короля съ орды да отъ Литовскаго.
И пришло да тутъ ему три розстаня,
Пришло да три любимыхъ:
Первая розстань — къ отцу, къ матери,
Другая розстань — къ роду-племени,
Третья розстань — къ молодой жени.
Пораздумался удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичъ:
Пойдти-то мнѣ, Василью да Буслаевичу,
Къ отцу, къ матери,
Отца, матери въ живыхъ не застать;
Пойдти-то мнѣ, добру молодцу, къ роду-племени,
Роду-племени меня да не спознать;
Пойду-то я, Василій Буслаевичъ,
И къ молодой да ко своей жени.
Попель-то удалый добрый молодецъ
Изъ землй въ землю, отъ короля съ Литвы,
И попель-то онъ да въ свою сторону
И пришелъ-то къ палаты бѣлокаменной,
И на улицѣ два юнчика похаживаютъ,
И спросить Василій Буслаевичъ
У этыхъ у юнчиковъ у маленькихъ:
„Чьи же вы, юнчики залецкіе?“

„Ай же ты, нашъ родной дядюшка!
„И нѣтъ-то у насъ да родна батюшка,
„И есть у насъ да одна матушка“.
Спроситъ этотъ удалый добрый молодець:
„Гдѣ же вашъ да родной батюшка?“
Отвѣчали эти юнчки маленькіи:
„Ушелъ-то нашъ родной батюшка
„Къ королю въ Литву да въ услуженіе“.
„Ай вы, юнчки маленькіи!
„Скажите, подите родной матушкѣ:
„И пришелъ-то нашъ родной батюшка,
„И стоитъ-то на улицѣ на широкой,
„У той ли у площади у переноей“.
Она стала тутъ да молодѣ жена,
На ножки она стала да на рѣзныи,
Утупила очи ясныя въ калиновъ мостъ,
Выходитъ на крыльцо да на переное,
Опущалася по ступенямъ да по крутинамъ
На эту ли на улицу на широку,
И говорила она да таково слово:
„Ай же ты, удалый добрый молодець,
„Василій да Буслаевичъ!
„И находишься ты, да нагулялся ты,
„И пришелъ назадъ къ молодой женѣ несчастной“.
И беретъ-то эта молодѣ жена несчастная,
За этны за рученки за бѣлныи,
За этны за перстни за злаченныи;
Цѣлуетъ во уста до во сахарини,
Проводитъ въ терема да во высокыи;
И стали они тутъ да жить-поживать,
Добра наживать,
А лихо избывать.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова.)

Ставеръ Гоудиновичъ.

Во стольномъ во городѣ во Киевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
У Владимира, у князя, у Солянышка,
Заводился у него почестенъ шпръ,
На многыхъ на князей, на бояръ,
И на русскіихъ могучихъ богатырей.
На всѣхъ полъницѣ на удалыихъ, —
И всѣ на шпру на сны, п пьяныи, в веселии.
Солянышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Похвастыватъ самъ городомъ Кіевомъ,
Богатыри похваствывали слово
Силою своею богатырскою.
Гости, кушцы тутъ торговли
Похвастали они тутъ товарамъ,
Тыма ли товарамъ заморскима
И соболемъ заморскимъ,
Кунцями заморскима.
Добрышника похвасталъ своимъ добрымъ конемъ,
Олешинька, Поповъ сынъ, похвасталъ
Своей да золотой казной, —
Есть у молодца да золотой казна безчестной;
А умный хвастатъ — отцемъ, матерью,
А не умный хвастатъ молодой женой.
Проговоритъ богатыри таково слово:
„Ты, не умный удалый добрый молодець!
„Ты не хвастай своей да молодой женой“.
И вси богатыри его да обезчестили.
И крестьяна-мужички были пособраны, —
Богатыи крестьяна похваствываютъ
Своима-ли то добрыма конюшкима,
А не богаты-то крестьяна — малымъ дѣтушкима.
И сидитъ-то младѣ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ
И сидитъ-то онъ, ничѣмъ не хвастаетъ.

Проговорит Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій:

„Что же ты сядишь ничѣмъ не хвасташь?

„Всѣ-то людишки похвастались“.

И проговоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:

„Есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати,

„Есть у Ставра тридцать молодцовъ, портныхъ мастеровъ,

„Шьютъ-то они кафтанцы снова на ново,—

„Которой кафтанчикъ я день держу и другой проношу,

„И спесу эти кафтанцы на рыночекъ

„Князьямъ, боярамъ — новы продамъ,

„Возму за нихъ цѣну полную.

„Есть еще Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій

„У Ставра да чѣмъ похвастати:

„Есть тридцать молодцовъ, чоботныхъ мастеровъ,

„Оны шьютъ-то сапожки снова на ново,—

„Которы сапожки я день держу и другой проношу,

„И спесу эти сапожки на рыночекъ,

„Князьямъ, боярамъ — новы продамъ,

„Возму-то за нихъ цѣну полную.

И проговоритъ Ставеръ да таково слово:

„Солнышко Владимиръ князь да стольно-Кіевскій!

„Еще есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати,

„Есть у Ставра добры молодцы на дворѣ—да не старятся“.

Спроситъ Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій:

„Отчего же у тебя добры молодцы не старятся?“

Проговоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:

„Оттого-то у меня, добры молодцы, не старятся:

„День-то придетъ — молодецъ со двора долой,

„А два да три — на дворъ домой.

„Еще есть чѣмъ у Ставра да похвастати,

„Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій!

„Золота казна да не держится,

„Малин денежки да не торчатся“.

Проговоритъ Солнышко Владимиръ князь:

„Ай же ты, Ставеръ да Годиновичъ!

„Отчего же у тебя золотая казна да не торчатся,

„Малин денежки не держатся?“

„Оттого-то у меня золотая казна не торчатся,

„И малин денежки не держатся;

„Была кобылица златоглища,

„И дано за кобылицу пятдесятъ рублевъ,

„И носить жеребичковъ хорошенькихъ,—

„Которы жеребички получе,

„На такъ-то жеребичкахъ я самъ ѣзжу;

„Которы жеребички похуже,

„И спесю этихъ жеребичковъ на рыночекъ,

„Князьямъ, боярамъ новы продамъ,

„И возму-то за нихъ цѣну полную“.

Еще проговоритъ младъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:

„Ты, Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій!

„Еще есть у Ставра да вѣдь похвастати.

„Молодая жена Настасья Микулишна

„Князей-то бодръ съ ума сведетъ,

„Владимира вонъ поведеветъ

„Изъ покоя княженецкаго“.

И эти слова Солнышко князю Владимиру да не казались.

Приказалъ-то Солнышко Владимиръ князь да стольно-Кіевскій

Своимъ слугамъ вѣрнымъ:

„Ай же вы, мои слуги вѣрнии!

„Вы возмите-тко Ставра да Годиновича

„За его за хвастанья за великіи

„Засадить его въ огребѣ великіи“.

Шли тутъ слуги его вѣрнии

Во это во поле во широкое,

Копали да ему великую,

Засадили туда Ставра да Годиновича,

Засадил его да по бѣлымъ грудямъ

Не на много, не на мало — на тридцать лѣтъ.

Написалъ-то Ставеръ сынъ Годиновичъ скорописчату грамотку

Къ молодой женѣ Настасьи Микулишной:

„Ай же ты, Настасья Микулишна!

„Засаженъ-то твой мужъ Ставеръ сынъ Годиновичъ

„У Солнышка князя Владимира стольно-Кіевского
„Во этии во погребыи глубокіи
„Не на много, не на мало — на тридцать лѣтъ,
Взяла Настасья Миклушина
Обрубала волоса да по казачьему,
И поѣхала она ко городу ко Киеву,
Пріѣхала ко Солнышку князю ко Владимиру на княий дворъ;
Заходит она въ покои княженецкіи;
Она крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На двѣ, на три, на четыре стороны покланяется, —
И солнышку Князю Владимиру
Она дѣлаетъ поклонъ да въ обочину.
Проговорить Солнышку князю Владимиру:
„Посоль земли Турецкой!“
Проговорить Солнышку Владимиру князь:
„Сядь-ко ты съ дороженьки на дубовой стул да поотдохни“.
И проговорить посоль земли Турецкой:
„Недосугъ сидѣть послу разспивать,
„За то посла скоро жалуютъ,
„Есть у ти племянница любимая
„У Солнышка князя у Владимира;
„Отдай-ко ты да во супружество
„За этого посла да за Турецкаго“.
Проговорить Солнышку Владимиру князь да стольно-Кіевскій
„Мы подумаемъ да думу еривкую,
„Мы скажемъ отвѣтъ тогда вамъ —
„Могу отдать, посоль земли Турецкой,
„За тебя да во супружество“.
Проговорить посоль земли Турецкой:
„Ты, Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій!
„Ты выпусти невольниковъ изъ погребовъ великихъ
„По своему да слову княженецкому“.
Приходитъ Ставеръ да сынъ Годиновичъ
Ко послу да ко Турецкому;
Вереть-то за рученьки за бѣлмы

Ставра сына Годинова,
За этии за перстни за злаченыи
Цѣлуетъ во уста да во сахарныи
И этого Ставра да Гадиновича.
Влагодарить-то посоль земли Турецкой,
Пшеть Солнышку Владимиру стольно-Кіевскому
Эпистолю: „Влагодарю тебѣ, Солнышко Владимиръ князь,
„Выпустилъ невольниковъ изъ погребовъ глубокіихъ;
„Не надо мнѣ племянницы любимой,
„А тотъ мой мужъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
„Тотъ мой мужъ законный“.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова.)

Дюкъ Степановичъ ¹⁾.

Изъ Волница города изъ Галча,
Изъ тои Корели изъ богатя
Снаряжается, убирается
Молодой бояринъ боярскій сынъ,
Дюкъ Степановичъ;
„Свѣтъ государни матушка,
„Дай-ко ты прощенье и благословеньце
„Ѣхать ко городу Киеву,
„Ко ласкову князю ко Владимиру;
„Скажутъ — Кіевъ-градъ на горы стоитъ,
„А Владимиръ князь ласковъ есть,
„На пріѣзди добрыхъ молодцевъ чествуетъ,
„А на поизди даритъ несчетной золотой казной“.
И поѣхалъ постъ заутрини Христовскій,
А пріѣзжаетъ ко обиди ко Христовскій
Въ Кіевъ-градъ, на шпрокъ дворъ,
И привязываетъ своею добра коня
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. Ѡ. Миллера стр. 599—601 и 615.

И приходит во Божью церковь,
Онъ крѣсть-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то веде по ученому.
Онъ кланяется-поклоняется
На всѣ на четыре стороны,
Князю Владимиру въ собору:

„Здравствуй, Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій!“

„Ты отколь, удалъ дородній, добрый молодець,

„Тебя какъ именёмъ зовутъ,

„И какъ величаютъ по отечеству?“

„Я есмь изъ Волынца-города, изъ Галича,

„Изъ той Корелы изъ богатяи

„Молодой бояринъ боярской сынъ

„Дюкъ Степановичъ“.

„Пожалуй-но, молодой бояринъ,

„Боярской сынъ

„Дюкъ Степановичъ,

„Ко мнѣ хлѣба-соли покушати“.

Приходитъ во грядню-палату бѣлокаменну,

Онъ крѣсть-то кладетъ по писаному,

Поклонъ-то веде по ученому.

Онъ кланяется, поклоняется

На всѣ на четыре-то стороны;

„Здравствуй, княгиня Апраксія!“

„Ты поди-но, удалъ, дородній добрый молодець,

„Ты коей земли, коей орды?

„Какъ тебя именёмъ зовутъ,

„Какъ величаютъ по отечеству?“

„Я есмь изъ Волынца-города изъ Галича,

„Изъ той Корелы изъ богатяи

„Молодой бояринъ боярской сынъ,

„Дюкъ Степановичъ“.

„Сяди-но ты, Дюкъ Степановичъ,

„Хлѣба-соли кушати“.

Всѣ силы князи и бояри

Хлѣба-соли кушати,

И взялъ молодой бояринъ

Дюкъ Степановичъ

Колачикъ крупичатой,

И увидалъ молодой бояринъ

Боярской сынъ

Дюкъ Степановичъ

Подъ колачикомъ основую иглочку.

„Здѣсь-то“, говорятъ, „видно помечта основны,

„А какъ у мой-то родители-матушки

„Помялча-то шелковица“.

И говоритъ тутъ Олеша Поповичъ

„Этотъ, дядюшка, дѣтнице-обманщице

У боярина ухалъ,

Кони угналъ“.

И говоритъ тутъ Чурида Шаполенковичъ:

„Что ты прѣхалъ, дѣтнице-обманщице,

„Своимъ животомъ хвастаешь,

„Да своей родитель-матушкой,—

„Ударимъ со мной о великъ закладъ

„На три года:

„Чтобы въ каждый день носить платья переменны“.

И ударили они о великъ закладъ

Въ каждой день носить платья переменны,

Щеголять во Кіевѣ во городѣ;

И по Чуриды Шаполенковѣ

Ручается весь Кіевъ-градъ,

А по Дюкѣ Степановичѣ

Нехтѣ не ручается,

Только ручается

Старой казакъ, Илья Муромецъ,

Да молодой Добрыня Никитичъ.

И посылаетъ молодой князь

Владимиръ стольно-Кіевской

Дюкова имѣнья описывать,

И посылать Добрыню Никитича:

„Поѣзжай, Добрыня Никитичъ,

„И опиши пмѣние Дюкова,
„И прикажи привести цеголатъ Дюку Степановичу.
„Платя переменныи, на три года,
„Каждой день переменять”.
И поѣзжать Добрыня Никитинецъ
Ко Волинцу городу Галичу,
Ко той Корееи да богатыи.
И прѣзжать Добрыня
Ко Дюку ко Степанову
На широкъ дворъ,
И привязывать своею копя доброва
Ко столбу ко точеному
И въ кольцо золоченому;
Идетъ въ палату бѣлокаменну;
Встрѣтлася ему
Дюкова портомойница;
И говоритъ Добрыня:
„Здравствуй, Дюкова матушка!”
„Да нѣтъ”, говоритъ,
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова портомойница”.
Опять встрѣчается ему
Дюкова постельница;
И говоритъ Добрыня Никитинецъ:
„Здравствуй, Дюкова матушка!”
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова постельница”;
Еще подходитъ Добрыня Никитинецъ,
Встрѣчается ему Дюкова стольница,
„Здравствуй, Дюкова матушка!”
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова стольница”.
И приходитъ Добрыня Никитинецъ
Во грѣдн столовыи,
Онъ крѣсть-то кладѣ по писаному,
Поклонъ-то ведѣ по ученому,

Кланяется-повлоняется
На всѣ на четыре стороны:
„Здравствуй-ко, Дюкова матушка!”
„Ты поди-ко, удалъ да дородній доброй молодецъ,
„Ты откуль ѣдешъ,
„Откуль путь держишь?”
„Я отъ города отъ Кіева,
„Отъ ласкова князя отъ Владиміра;
„Твоей-то молодой Дюкъ Степановичъ
„Ударилъ о великъ закладъ
„Съ Чурилой Шаполенковымъ—
„На три года въ каждой день
„Носить платяя переменныи,
„И захвастался онъ своимъ богатствомъ несчетнымъ;
„И приказалъ мнѣ князь
„Владиміръ стольно-Кіевской
„Описатьъ ваше пмѣние”.
И говоритъ тутъ Дюкова матушка:
„Ай ви, вѣрныи мои служаночьки,
„Возмите-тко коромиселко желѣзное
„И положите-тко на коромиселко
„Золоти ключи,
„И ведите-тко Добрыню Никитицеца
„Во погребы глубокии,
„Покажите Дюкову пмѣние”.
И прошель Добрыня Никитинецъ
По погребамъ глубокиимъ,
И написалъ онъ
Три строчьки значениихъ:
„Три года жить —
„Имѣнія описатьъ,
„Да не описатьъ Дюкова вѣщія”.
И приказалъ Дюковой матушка
Вести Дюку платяя переменныи
Ко Кіеву ко городу,
И привезли платяя переменныи

Во Киевъ градъ,
И стали щеголять
Съ Чурилой Шаполенковымъ
И въ каждый день
Все платья лучше
У Дюки Степанова.
И прошло того времени три года,
И сошили они платья Христовскія —
Идти ко заутрени Христовскія,
И отходятъ они отъ заутрени Христовскія,
И глядитъ Князь Владиміръ стольно-Кіевской
На платья на Чурилинны,
И говоритъ Владиміръ князь:
„Ну, Чурила Шаполенковичъ,
„Платья были у Дюка Степанова
„Лучше твоихъ,
„А теперь, лътъ ты перещеголялъ
„Дюка Степанова,—
„Платья твои лучше Дюки Степанова“.
И поглядитъ на платья на Дюковы,
И говоритъ Владиміръ стольно-Кіевской...
И повелъ Дюкъ Степановичъ
По своимъ по пуговкамъ золоченымъ,
На пуговкахъ были написаны змѣи лютыи,
И заснавали змѣи лютыи
На тѣхъ пуговкахъ злаченыихъ,
И говоритъ князь Владиміръ стольно-Кіевской:
„Нечего бы тебѣ, Чурила Шаполенковичъ,
„Соваться и битъ съ Дюкомъ о великъ закладъ,
„Въ каждой день тебя
„Дюкъ Степановичъ перещеголивалъ“.
Это Чурилы пришло не по сердцу,
И говоритъ Чурила Шаполенковичъ:
„Ударимъ-ко еще о великъ закладъ —
„Перескочитъ на коняхъ на добрыхъ
„Черезъ Днѣпру черезъ широкую,

„О своихъ головахъ-то о буйныхъ:
„Которой перескочитъ,
„Тотъ удалъ дородней доброй молодецъ,
„А кто не перескочитъ,
„Отсѣчь тому буйная голова;
„Будеть ходить по бѣлу свѣту, шататься
„И хвастаться своей удачей молодецкою“.
И поѣхалъ Дюкъ Степановичъ
Черезъ Днѣпру черезъ широкую
На своемъ на конѣ добромъ,
И перескочилъ его конь доброй
Черезъ Днѣпру черезъ широкую.
И поѣхалъ вслѣдъ Чурила Шаполенковичъ,
Упогрузъ его конь доброй
Осередь Днѣпры широкой,
Съ Чурилой Шаполенковымъ.
И видитъ Дюкъ Степановичъ,
Что потонетъ Чурила Шаполенковичъ
Осередь Днѣпры широкой,
И скочилъ Дюкъ Степановичъ
Назадъ черезъ Днѣпру черезъ широкую
И вытащилъ Чурилу со добрымъ конемъ.
И говоритъ Дюкъ Степановичъ:
„Теперь надо отсичъ тебѣ
„Буйна голова“.
И стали Дюка обрашивать всемъ Киевомъ.
„Ну пусть ты, Чурила Шаполенковичъ,
„Упроишь всемъ Киевомъ,
„Я тебѣ по бѣлу свѣту
„Второй батюшко“.

(Записано со словъ Пудожскаго уѣзда, Кугоноволоцкой волости, прихода
Водлозерско-Пречистенскаго, деревни Большой Поги 75-лѣтняго крестьянина
и Ивана Григорьева Захарова, свлещипникомъ Иоанномъ Первенцевымъ).

Объ Иванѣ Грозномъ.

Когда грозный царь Иванъ Васильевичъ
Вонарлся, тогда солнышко на небѣ воссияло;
Тогда рыбы все на глубь ушли;
Тогда звѣри сбѣжали въ лѣса темниши,
И мы сидѣли да ѣли по концѣ польды,
И ѣли да пили по концѣ стольца,
И снарядилъ ли то грозный князь Иванъ Васильевичъ,
И снарядилъ ли то войско подъ Казань-городъ,
И стояло войско подъ Казань-городомъ,
И не много не мало—семь годовъ.
И проговорилъ пучкаръ таково слово:
„Ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ!
„Позволь слово сказать да слово вымолвить;
„И подкопать бы намъ подкони глубокии,
„Подъ эти стѣны городовни;
„И начинитъ бы намъ бочки зельемъ лѣтнимъ;
„И мы не зельемъ чинили—чернымъ порохомъ;
„И зажгати бы намъ свѣчи восковыи
„Во эти руки во бѣлши,
„За эти за стѣны за дубовыи“.
Во рукахъ-то свѣщи да они ясно горятъ,
А за стѣнами свѣщи — они не ясно горятъ;
И проговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Ай же ты, пучкаръ, да обманываешь“.
И проговорилъ пучкаръ да таково слово:
„Ай же ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
„Во рукахъ-то свѣщи да они ясно горятъ,
„А за стѣнами свѣщи — они не ясно горятъ“.
И не успѣлъ пучкаръ слова вымолвить,
И треснули башни треугольныи,
Разорвало стѣны городовни,
Зашло войско во Казань-то городъ.
Повынесли знамена со Казань города,

Повынесли парфиду-то царскую
Съ за этого стола за окольного.
Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
По свѣтлой ко свѣтлицѣ похаживаетъ,
Сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Самъ говоритъ таково слово:
„Ай вы, русскіи могучіи богатыри,
„Ай же полѣнцы удални!
„Я повыведу пзмѣну съ каменной Москвы,
„И повыведу пзмѣну со Нова-города,
„И повыведу пзмѣну со Обскова и со Астрахани;
„И повыведу я знамена со Казань города,
„И повыведу я парфиду да царскую
„Съ за этого стола да съ за окольного“.
Тутъ проговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ таково

слово:

„Садись-ко ты, Федоръ Ивановичъ,
„На этого коня богатырскаго,
„Поѣзжай-ко къ каменной Москвѣ ко великойе,
„Старыхъ и малыхъ конемъ топчи,
„Русскихъ могучихъ богатырей саблѣй руби,—
„Не дѣлай пзмѣны въ каменной Москвѣ“.
И поѣхалъ Федоръ Ивановичъ
И той Москвой до великойе;
Старыхъ и малыхъ конемъ не топталъ,
Русскихъ могучихъ богатырей саблѣй не рубилъ, —
Онъ дѣлалъ пзмѣну въ каменной Москвѣ.
И приѣзжаетъ Федоръ Ивановичъ
Ко тому ли двору да ко царскому,
Ко тому ли столу да ко княжнецкому;
Крестъ владеть по писаному,
Поклонъ ведеть по ученому
И на двѣ, на три, четыре, на стороники покланяется,
Грозному царю Ивану Васильевичу
Дѣлать онъ поклонъ да въ особину.
Тутъ станеть грозенъ царь Иванъ Васильевичъ

На свои да на рѣзвы ноги
И самъ говорилъ таково слово:
„Вы, русскіи могучіи богатыри,
„Поленцы да удалыи!
„Я повиселъ пзмѣну съ каменной Москвы,
„И повиселъ пзмѣну съ Нова-города,
„И повиселъ пзмѣну со Обскова,
„И повиселъ пзмѣну со Астрахани,
„И повиселъ знамена со Казань города,
„И повиселъ порфида-то царскую
„Съ за этого стола съ закольного“.
И вси молчатъ русскіи могучіи богатыри,
И проговоритъ таково слово:
„Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
„Твоя-то пзмѣна за столомъ сидитъ,
„И твоя-то пзмѣна на теби глядитъ“.
Сталь-то грозный царь Иванъ Васильевичъ
На свои да на рѣзвы ноги,
Крыкнулъ онъ да во всю голову:
„Ай же ты, Малютченко Потанюшка Курлатовъ сынъ!
„Ставай-ко ты на поженки на рѣзвыи,
„Вери-тко ты Федора Ивановича
„За этии за рученьки за бѣзныи,
„За этии за перстни алачении,
„И веди его на поле на чистое
„На ту ли то на плаху на дубовую,
„Отрубн-ты ему буйну голову,
„И придай смерть ему напрасная,
„Выняй сердце со печеню“.
Меньшой тѣлится за большаго;
А середній тѣлится за большаго;
Говоритъ Потанюшка Курлатовъ сынъ:
„И видно мнѣ да ко судьби пришло“
И беретъ-то онъ Федора Ивановича
За этии за рученьки за бѣзныи,
За этии за перстни алачении,

И поводитъ на поле на чистое,
На ту ли то на плаху дубовую,
И отрубн-то ему буйна голова,
И придай ему смерть напрасную,
Выняй сердце со печеню.
Взяла Настасья Романовна,
Надѣвала башмачки на босу ногу,
Шубоньку соболону на одно плечо
И бѣжала къ стару казаку Никитѣ Романовичу;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Стару казаку Никитѣ Романовичу
Дѣлаетъ поклонъ въ обману.
„Что же ты, старый казакъ, Никита Романовичъ,
„Вишь, да пешь—прокладдаешься,
„И надъ нами ты невзгодушки не вѣдаешь;
„И пѣтъ у насъ сына любимаго Федора Ивановича
„И твоего крестника любимаго Федора Ивановича;
И взялъ-то Малютченко Потанюшка, Курлатовъ сынъ,
„За эти за рученьки за бѣзныи,
„За эти за перстни алачении;
„Увелъ его на поле на чистое,
„На ту ли то на плаху на дубовую,
„И отрубилъ-то ему буйну голову
„И придай смерть напрасную,
„Выняй сердце со печеню“.
„Ай ты, Настасья Романовна!
„И долго, долго не печало солнышко—дѣвнадцать лѣтъ,
„И не бывала у стара казака Никиты Романовича“.
Станетъ старый казакъ Никита Романовичъ,
Станетъ на свои да на рѣзвы ноги
И надѣваетъ босовички на босу ногу,
Сертукъ кладываетъ на одно плечо,
Колпакъ кидаетъ на одно ухо,
Садился на коня богатырскаго,

Крыкнулъ онъ да во всю голову:
 „Народъ, сторонитесь! Народъ, сторонитесь!
 „Старихъ и малыхъ конемъ спончу,
 „И русскихъ могучихъ богатырей саблѣ срублю!“
 И народъ сторонился, далъ улицу по Москвѣ во великой,
 Далъ улицу широкую и продолговатую;
 И въѣхалъ на поле на чистое
 Старый казакъ Никита Романовичъ
 И крикнулъ во всю голову:
 „Ай же ты, Малютченко Потанюшка, Курлатовъ сынъ,
 „И съѣшь ты кусъ ототъ—подавшися,
 „И выпьешь эту чару—ты захлѣбнешься“.
 И приѣхалъ старой казакъ Никита Романовичъ
 Ко этой ко плахѣ дубовой,
 И захватилъ-то Федора Ивановича въ живности;
 Выходитъ со коня да богатырскаго,
 Захватилъ-то Малютченку Потанюшку за волосы
 И бросилъ его о сырѣ землю,
 О ту ли то плаху дубовую,
 И придалъ смерть ему напрасную,
 И вынулъ сердце со печенью.
 Сегодня дѣтся пятница великая —
 Садился Федоръ Ивановичъ
 На этого коня да богатырскаго;
 Поѣхали со поля со чистаго
 Во эту палату богатырскую
 Къ стару казаку Никитѣ Романовичу.
 Завтра будетъ суббота Христовская.
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Рассылалъ-то офинки по всѣмъ сторонамъ,
 По своимъ слугамъ вѣрнымъ,
 По своимъ слугамъ подданнымъ.
 „Ай же вы, мои слуги вѣрнии,
 „Ай же вы, мои слуги подданныи!
 „Вы пойдете къ заутрени Христовской
 „Во эту во церковь во Божію,

„Надѣвайте одежду распечальную;
 „Нѣтъ у меня сына любимаго Федора Ивановича,
 „Вашъ-то Малютченко Потанюшка, Курлатовъ сынъ,
 „Свелъ на поле на чистое на плаху дубовую,
 „Отрубилъ бѣгуну голову,
 „Придалъ смерть напрасную,
 „Вынулъ сердце со печенью“.
 Пришли его слуги вѣрнии, слуги подданныи
 Во эту церковь во Божію,
 Надѣта одежда распечальная;
 И помолю старый казакъ Никита Романовичъ
 Во эту во церковь въ Божію,
 Надѣлъ одѣжу самозлучную;
 И приходитъ во церковь во Божію,
 Крестъ кладетъ по писаному,
 Поклонъ ведетъ по ученому,
 И на двѣ, на три, четыре на стороны поклонится,
 И грозному царю Ивану Васильевичу
 Дѣлаетъ поклонъ ему въ обѣнну.
 „Ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 „И здравствуй-ко ты со моею сестрой,
 „И со своей семьей,
 „И со тымъ ли со лсымъ соколомъ,
 „Со Федоромъ Ивановичемъ“.
 Какъ взглянетъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 На стара казака Никиту Романовича
 И самъ проговоритъ ему да таково слово:
 „Какъ былъ бы ты, старый казакъ Никита Романовичъ,
 „Былъ бы ты не въ церкви не въ Божіей,
 „Я не далъ бы собакамъ на часть живота“.
 Проговоритъ старой казакъ Никита Романовичъ:
 „Живетъ ли-то грѣшному прощеньцо,
 „Живетъ ли-то грѣшному благословеньцо?“
 „И я простилъ бы да некого,
 „Я помилуалъ бы, да негдѣ взять“.
 Повернется старый казакъ Никита Романовичъ

Со церкви со Божией
И въ свою-то валату богатирскую
И говорить-то Федору Ивановичу:
„Ай же, ты, Федоръ Ивановичь!
„Ставай-ко ты по утру ранешенько,
„Умывайся-тво ты бѣлешенько,
„Утирайся-тво ты, да сухохонью;
„Я досталъ ли у грознаго царя Ивана Васильевича
„Прощеньяно и благословеньяно“.
Сталъ-то Федоръ Ивановичъ по утришку ранешенько,
Умывался онъ бѣлешенько,
Утирался онъ сухохонью
И убирался онъ хорошеюхонью;
Пошли онъ во церковь во Бѣжю
Къ этой заутрени Христовской;
Крестъ-отъ кладутъ они по писаному,
Поклонъ кладутъ они по ученому,
На двѣ, на три, четяре на сторонки покланяются,
Грозному царю Ивану Васильевичу во особину.
Проговорилъ старой казакъ Никита Романовичъ:
„Здравствуй-ко со моей сестрой и со своей семьей
„И со тымъ ли со яснымъ со соколомъ,
„Со Федоромъ Ивановичемъ“.
Взглянеть грозный царь Иванъ Васильевичъ
На стара казака Никиту Романовича,
Вереть его за руценьки за бѣлы,
За эты за персты злачены,
И цѣлуетъ во уста да во сахарныи;
Самъ проговорилъ да таково слово:
„Старой казакъ Никита Романовичъ!
„Чѣмъ тебя, намъ скажи, пожаловать —
„Городами ли тебя, пригородами,
„А ли силою тебя да богатирскою,
„А ли золотой тебя казной безчетной?“
И проговорить старой казакъ Никита Романовичъ:
„Ай ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ!

„Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
„И не надо мнѣ твоей силы богатирской,
„И не надо мнѣ золотой твоей казны безчетной.
„Ай ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
„У меня того своего есть;
„Мнѣ пожалуй-ко наскори Никитину отчину, —
„И кто какой грѣхъ сдѣлаетъ,
„И кто во Никитину отчину уйдетъ,
„Того Богъ проститъ“.
И пожаловалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На скори Никитину отчину.

(Запис. Гурьевымъ отъ Вас. Шеголенкова).

II.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ ¹⁾.

Иоаннъ златые уста.

На первой недѣлѣ въ Воскресенье,
На шестой недѣлѣ въ Вознесенье
Вознесется Господь на небеса
Съ ангелами
И со архангелами
И со всею силою со небесной.
И восплачетъ его меньшая братья:
„Ай ты, Господи, Господи и Царь небесный!
„И куда же ты полетаешь
„И меньшу свою братью оставишь?
„И помретъ твоя меньшая братья
„Голодною смертью — холодною“.
Речеть Господи: „Иоанне!

¹⁾ Сообщены Е. В. Барсовымъ.

„Оставлю я своей меньшей браты
„Горы золоты;
„Будет меньшая браты
„Между собою подимети
„И меня, Господа Бога, величати“.
Речеть Иоаннъ:
„Господи, Господи!
„Оставишь ты своей меньшей браты
„Горы золоты,—
„Отоймутъ люди богатны,
„Отоймутъ судьи неправедны,
„И помреть твоя меньшая браты
„Голодную смертью—холодною“.
Речеть Иоаннъ ко Господу:
„Господи, Господи, Царь небесный!
„Оставь ты своей меньшей браты
„Слово Христово:
„Будетъ твоя меньшая браты
„По міру ходити
„И тебя, Господа Бога, величати“.
Оставилъ Господь меньшей браты
Слово Христово.
Речеть Господь:
„За твой умильни рѣчи
„Дарую тебѣ усты златны“.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

Убогий Лазарь.

Жилъ во славъ богатій,
Онъ роскошны ясы ѣлъ и пилъ,
Дороги одежды одѣвалъ;
А убогой-то Лазарь
Лежитъ въ скорбности гноу.
Выходитъ богатій онъ за ворота;
Закричитъ тутъ убогий Лазарь

Громкимъ голосомъ:

„Брате, мой милій! Богачъ человекъ!
„Христа-ради, брате, напои, накорми!
„Странное мое тѣло обуй и одій!“
Самъ плюнулъ богатій
И прочь отошелъ.
„Есть у меня братя лучше тебя:
„Князи, бояре—друзья мои,
„Гости торговъ—братья мои“.
Выло у богатого двѣ лютыхъ пса,
По подстолю ходили,
Сроненныя крошечки собирали,
Къ убогому Лазарю сношвали,—
Тутъ тѣмъ Лазарь смѣть пребывалъ.
Молился Лазарь ко Господу:
„Прійми мою грѣшную душинку
„Къ Себѣ на хвалу!
„Этакъ моя душинка поцарствовала
„На бѣломъ свѣту“.
Услыхалъ Господь моленье его,
Праведное моленицю Лазарево.
Смыла съ небесъ ангеловъ
По него по душинку по Лазареву.
Честно душинку съ тѣла выняли;
Пеленали душинку въ бѣла пелены,
Вознесли души къ Богу въ рай —
Къ святому Обрамію, къ Дмитрію.
Цѣлуетъ Обрамій сахарны уста.
„Поди-ко ты, Лазарь, давно мы
„Тебя ждемъ;
„Уготовано тебѣ мѣстечко
„Въ пресвѣтомъ раю“.
Вспори богатій въ полѣ гулялъ.
Не узрѣлъ богатій ни дому, ни дѣтей:
Нашла на богатого Божья воля,
Божья-то волюшка, милость велика.

Высокія горницы огонь опалалъ,
Вуйные вѣтерки пепель разнеси,
Много скота, въ лѣсахъ звѣрье погубо.
Возмолился богатый ко Господу:
„Господи, прійми мою душинку,
Къ себѣ на хвалу.
„Этакъ моя душныя постраивовала,
„На ономъ свѣту“.
Услыхалъ Господь молене его,
Ложное моленце, неправедное.
Сылае Господь святыхъ ангеловъ немилостивыхъ,
Не честно въ богатаго вынулъ душу;
Крюкамъ желѣзнымъ уста волокли,
Сверзили душинку видьма високо —
На ту колясницу, на огненную.
Вотъ тебя, богатый, свѣтлый рай!
Мучись ты, богатый, вѣкъ во вѣкамъ.
Мучился богатый день до вечера;
Обозрѣлъ богатый брата своего
Убогаго Лазаря
Въ пресвѣтломъ раю.
Закричалъ тутъ богатый къ брату своему:
„О брате, мой милый! Убогой человекъ!
„Выступи, родимый, со свѣтла раю.
„Сходи-ко ты, брате, ко синю морю,
„Обмочи своей мизинной персть:
„Закропи мон сахарни уста,
„Чтобы моей души не тошно было“.
„Сходилъ бы я, братецъ, ко синю морю,
„Но не мол есте волюшка,
„Есте Божья воля,
„Божья-то волюшка, милость велика.
„А поминишь-ли, братецъ,
„Памятаешь ли,
„Какъ мы жили на бѣломъ свѣту?
„Втипорн братомъ ты меня не читалъ,

„Алчнаго, жажднаго ты не напитокалъ;
„Въ темницѣ сѣдящаго ты не пощадилъ;
„Босаго, нагаго ты не одѣвалъ;
„Во гробѣ лежащаго ты не провозжалъ.
„Втипорн, богатый, ты меня братомъ не читалъ.
„Едина насъ матушка спородила,
„Не одну Господь участь снарядила!“
Что Господь далъ убогому Лазарю,
То ми славу поемъ.

Красная Алисафія Агапѣвна.

Востари било градъ во Іерусалимъ:
Било три царства Рахримские.
Первое царство—Садамъ городъ;
Другое царство—Садимское;
Третье царство—Рахримское.
Говорить царица Рахримская
Ко царю своему ко Рахримскому:
„Не кручнись, царь, не печалуйси:
„Есть у насъ въ домѣ не милая счастье,
„Красная дѣвица Алисафія Агапѣвна.
„Она вѣруеть во вѣру не нашу,
„Она вѣруеть въ вѣру христіанскую“.
Ужъ, какъ сталъ отецъ да обманывать и уговаривать:
„Красная Алисафія Агапѣвна!
„Ты которую вѣру вѣруешь?
„Ты которому Богу молиши?
„Ми туда тебя станаемъ въ замужъ отдавать“.
Красная Алисафія Агапѣвна срадовалася:
Во всю ночь она Богу молилася:
У ней вышиты были, напечатаны
Святы ангелы, святы архангелы,
Пресвятая Мати Богородица.
Иль утра стала дѣвица ранешенько
И умывала бѣлешенько.

Выходитъ дѣвица на широкой дворъ;
 На дворѣ стоитъ карета черная,
 И подпращенъ жеребчикъ не ученый;
 Посажень дѣтина молодой.
 Красная Алисафія Агапіевна догадалася,
 Жалобношенько порасикалалася:
 „Не на то меня отецъ-мать спородили,
 „Что во священскую вѣру въ замужъ отдать.
 „Отдають меня въ люту змѣю:
 „Ко лютому змѣю на съѣденіе,
 „Ко пещерскому на прожрєніе“.
 Садилася Алисафія Агапіевна въ карету черную;
 Выѣзжалъ дѣтина ко синю морю
 Ко великому.
 Еднна дѣвица оставалася;
 Мало времени смилывалося;
 Наѣзжалъ тутъ Егорей на добромъ конѣ,
 Говоритъ Егорей ко красавицѣ:
 „Красная Алисафія Агапіевна, поддержи коня
 „За шелковъ поясъ,
 „Хоть на малое время; я спать усну;
 „И посмотри на сине море;
 „Когда синее море порасходится,
 „Волна на морѣ сколыхается,
 „И люта змѣя появляется,—
 „Ты тогда меня отъ сна буди“.
 Мало времи смилывалося,
 Какъ сине море сколыхалося,
 Волна на морѣ порасходилася,
 Люта змѣя идетъ очень сердитая.
 Начала красная Алисафія Агапіевна отъ сна будить
 И не можетъ разбудить.
 Покатилася у ней горячи слезы
 На бѣло лицо;
 Отъ того онъ отъ сна восталъ.
 И садилася Егорей на добра коня;

Во праву руку беретъ свое копые
 И приѣзжаетъ Егорей ко синю морю.
 Идетъ змѣя очень сердитая,
 И говоритъ змѣя-громкимъ голосомъ:
 „Есть у меня сегодня три головы—
 „Двѣ головы человѣческія,
 „А третья—лошадина“.
 Началъ Егорей ей копыемъ колоты;
 „Быть смпрна ты, змѣя, какъ кротокъ смпренъ
 „У крестьянина быть скотинина“.
 И говоритъ Егорей красной Алисафіи Агапіевны
 „Красная Алисафія Агапіевна, возьми свой шелковый поясъ,
 „Положи змѣю на шелковъ поясъ
 „И введи змѣю ко моему батюшкѣ,
 „И говори своему батюшкѣ Агапіевичу—
 „Пусть повѣруетъ въ вѣру христіанскую;
 „Пусть состроитъ три церкви соборныя,
 „Соборныя, богомольныя.
 „Первую церковь—Спаситель,
 „Другую—Святитель,
 „Третью—Егорію свѣту храброму“.
 Она и повела змѣя ко своему батюшкѣ Агапію.
 „Батюшко! Повѣруй въ вѣру христіанскую;
 „Сострой три церкви, соборы богомольныя.
 „Прѣзжалъ Егорей на добромъ конѣ;
 „Началъ Егорей змѣю конемъ топтать,
 „Конемъ топтать, змѣю конемъ колоты,
 „Онъ разсѣкъ змѣю на мелко часте,
 „На мелки змѣишши, веретинши;
 „Распустилъ змѣю онъ по всей земли,
 „По всей земли, по всей Русн.

О Кирикѣ младенцѣ.

Ай же ты, Кирикъ младенецъ
 Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,

И мать твою Улита!
И нашли этого Кирика младенца
У Максимиана царя во градѣ,
Во соборнѣй церкви апостольской
Против Петра и Павла.
Читаетъ книгу Кирикъ младенецъ
Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,
И стоитъ тутъ его мать Улита.
Приходятъ злы мученики царя Максимиана,
Говорили Кирику младенцу:
„Ай же ты, Кирикъ младенецъ
„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,
„И мати твою Улита!
„И ты повѣруй во вѣру нашу,
„Поклонись нашимъ богамъ-идоламъ“.
И говорилъ-то Кирикъ младенецъ:
„Ай же вы, злы мучители
„Царя Максимиана!
„И не повѣрую я въ вѣру вашу,
„И не поклонюсь я вашимъ богамъ-идоламъ.
„Какой отвѣтъ со перваго дня,
„Такой отвѣтъ и до послѣдняго дня“.
И взяли глы злы мучители
Кирика младенца
Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,
И матеръ его Улиту,
Повели къ Максимиану царю ко мучителю.
Говорилъ Максимианъ царь:
„Ай ты, Кирикъ младенецъ
„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,
„И мати твою Улита!
„Ты повѣруй въ вѣру нашу,
„И поклонись нашимъ богамъ-идоламъ“.
И говорилъ ли Кирикъ младенецъ
Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ:
„Ай ты, Максимианъ царь!

„Не повѣрую я въ вѣру вашу,
„И не поклонюсь я вашимъ богамъ-идоламъ;
„Какой отвѣтъ со перваго дня,
„Такой и до послѣдняго дня“.
Возъяровался Максимианъ, царь-мучитель,
Приказалъ своимъ злымъ мучителямъ:
„Вы возьмите, мой злы мучители,
„Кирика младенца
„Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,
„И матеръ его Улиту
„На водѣ топить“.
Кирикъ младенецъ на водѣ гоголемъ плыветь,
Гоголемъ плыветь—голова вверху,
И самъ стихи поеть херувимскія;
Голосъ у него по архангельскіи.
Разъяровался Максимианъ, царь-мучитель,
На того-ли Кирика младенца
Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,
И на матеръ его на Улиту.
„Ай же вы, мои злы мучители!
„Вы возьмите Кирика младенца
„Топоромъ рубить“.
И началъ его злы мучители
Топоромъ рубить.
Во топорѣ всѣ злыя приломалися,—
Онъ, Кирикъ младенецъ, стоимъ стоимъ
Ничто ему святому не ділосъ,
И самъ пѣсни поеть херувимскія,
Голосъ у него по архангельскіи.
Возъяровался Максимианъ, царь-мучитель,
Приказалъ своимъ злымъ мучителямъ:
„Вы возьмите Кирика младенца
„Въ колесѣхъ вертѣть“.
Онъ, Кирикъ младенецъ, стоимъ стоимъ,
Стоимъ стоимъ, самъ стихи поеть херувимскія,
Голосъ у него по архангельскіи.

Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель!
Приказалъ ли своимъ злымъ мучителямъ:
„Идите-тко въ поде широкое,
„Копайте ему глубокую —
„Глубиной-то ему до пяти сажень,
„Шириной-то ему десяти сажень,
„И насыпайте въ эту яму великую
„Угля зръяло,
„Поставьте на эти на угли на зръяни котель желъзний,
„Накладите туды селитры-олова,
„И раздуйте эти угли зръяни
„Этими мѣхами да великими.“
Затряслася и мать-сыра земля на три попроща,
Ужаснулася мати его Улгита
Этого реву котельнаго.
Говорилъ ли Кирикъ младенецъ:
„Мати моя Улгита!
„Не устращись реву котельнаго,
„Господь Богъ насъ помилуетъ.“
И говорилъ ли Максимьянъ, царь-мучитель:
„Иди, Кирикъ младенецъ, въ котель желъзний,
„Разварена тамъ селитра и олово
„Во томъ котлѣ да во желъзноемъ.“
И зашелъ-то Кирикъ младенецъ
Со матерью со Улгитою,
И говорилъ-то Кирикъ младенецъ:
„Максимьянъ, царь-мучитель!“
Кирикъ младенецъ стоимъ стоимъ
Во томъ котлѣ да во желъзноемъ
И самъ стихи поеть керувинскіи,
И голосъ у него по архангельскіи.
Говорилъ ли Кирикъ младенецъ
Максимьяну царю:
„Ай же ты, Максимьянъ, царь-мучитель!
„Разварено у тебѣ въ томъ котлѣ селитра и олово,
„Какъ море да ледяное:

„Ай ты, Максимьянъ, царь-мучитель!
„Пихни свой персть по перному суставу
„Во этотъ котель желъзний.“
Ушгло у Максимьяна царя
Персть по перному суставу.
Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель.
„Ай ты, Кирикъ младенецъ!
„Исцѣли персть — повѣрью въ вѣру вашу,
„Поклонюсь я Богу вашему
„Христу Распятому.“
И исцѣлилъ персть Кирикъ младенецъ
У царя Максимьяна.
„Ай же вы, мои злы мучители!
„Раздуйте угли пуце зръяни
„Тма ли мѣхами великими.“
Говорить Максимьянъ, царь-мучитель:
„Иди, Кирикъ младенецъ,
„Во тотъ котель желъзний,
„Пуце разварены селитра и олово.“
И вшелъ Кирикъ младенецъ,
Мати его Улгита
Во тотъ котель желъзний.
Тамъ Кирикъ стоимъ стоимъ,
Стомъ стоимъ, самъ стихи поеть,
Стихи поеть керувинскіи,
Голосъ у него по архангельскіи:
„Господь Богъ насъ помилуетъ!“
Говорить ли Кирикъ младенецъ:
„Максимьянъ, царь-мучитель!
„Пихни руку по первой по завини
„Въ этотъ котель желъзний.
„Какъ есть студеное море!“...
Пихнулъ Максимьянъ царь
Руку по первой по завини
Въ этотъ котель желъзний.
Отпгло руку у Максимьяна царя

По первой по завни.

Говорилъ ли Максимьянъ, царь-мучитель:

„Ай же ты, Кирикъ младенецъ,

„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,

„И мати твоя Улгта!

„Исцѣли руку мою по первой по завни, —

„И повѣрю я во вѣру вашу,

„И поклонюся я Богу вашему

„И Христу Распятому“.

Воздержуль Кирикъ младенецъ

Руки свои на свою главу:

„Ай же ты, Господи, Господи!

„Исцѣли руку у Максимьяна мучителя

„По первой по завни,

„Онъ повѣруетъ въ вѣру нашу,

„Онъ поклонится Богу нашему,

„Христу Распятому“.

И исцѣлилъ руку по первой по завни.

Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,

На того ли Кирика младенца

На матеръ его на Улгту.

„Ай же вы, мои зли мучители!

„Возьмите Кирика младенца

„И матеръ его Улгту,

„Ведите во поле широкое

„И привоздите ко дубу ко шпроку“.

И взяли эти зли мучители

Кирика младенца,

Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,

И матеръ его Улгту,

Свели въ поле широкое

И привоздили ко дубу ко шпроку.

Онъ, Кирикъ младенецъ,

Стоемъ стоять, самъ стихи поеть херувимскн,

Голось по архангельски.

Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель:

„Возьмите, мои зли мучители,

„Въните Кирика младенца

„И матеръ его Улгту

„И со этого дуба со шпрока,

„Кладите его да на шпроко поле,

„И разстрѣляйте его тѣло бѣлое,

„И сожгите его тѣло бѣлое

„На томъ огни на здращнмъ“.

И сожигали Кирика младенца

На томъ огни на здращнмъ.

Приказалъ Максимьянъ, царь-мучитель,

Спустить тѣло бѣлое на шпроко поле.

Онъ, Кирикъ младенецъ,

Стоемъ стоять, самъ стихи поеть херувимскн,

Голось у него по архангельски.

Речеть Господи: „Ай же ты, Кирикъ младенецъ,

„Претерпѣлъ ты муку великую;

„Что ты хочешь получить

„За эту за муку за великую?“

„Господи! Ничего я не хочу получить.

„Который рабъ меня вспомнить

„Дважды днемъ на молитвахъ,

„Сбавленъ пусть тотъ рабъ

„Отъ вѣчной муки,“—

И славить тебѣ, Кирика младенца

Во вѣки бѣловъ. Аминь.

(Завис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

III.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ПѢСНИ ВЪ ТОЛ-
ВУЙСКОЙ ВОЛОСТИ 1).

Свадьбы производятся просто—съ согласія жениха и невесты, которому и сами родители бывают не вольны сопротивляться. Начинают такъ: холостой, подговоривъ дѣвцу, старается залогъ взять отъ нея—какую-либо дорогую вещь изъ ея приданаго; потомъ ѣдутъ свататься къ отцу и матери, ѣдутъ нѣсколько человекъ. Сватовство бываетъ всегда поздно вечеромъ. На сватовствѣ угощаютъ сватовъ—первое—водкою, а главная принадлежность угощенія—приготовляютъ яичницу на сковородѣ и сканье тонкіе пироги, вареные въ масле на сковородѣ. Если доводится до того, чтобъ уговариваться о свадьбѣ, зажигаютъ свѣчку, молятся Богу, назначаютъ даренъ и на сватовствѣ сватовьямъ даютъ по полотенцу (богаче—еще по рубашкѣ), а свекрови посылаютъ сорочку въ подарокъ отъ невесты.

На другой день послѣ сватовства, невеста какъ встанетъ, начинаетъ причитывать:

Я долгъ спала, невольна красна дѣвушка,
Сего утрешка Господняго,
Сплю до зорюшки ранопутренной
И до бѣлаго до свѣтушка,
До выставу солнца краснаго.
Какъ сегодняшнимъ Господнимъ должимъ денечкомъ,
Пріотказана у желанныхъ родителей
Отъ столовъ да отъ дубовыхъ,
Отъ стряпѣющихъ суетливыхъ,
Пріотказана у желанныхъ родителей
Отъ самоварничьихъ золоченныхъ,

1) Описаны крестьяниномъ И. А. Касляновымъ; рассказъ его, сообщенный для издавн. чл.-с. П. А. Гильдебрантомъ, печатается здѣсь почти безъ всякихъ измѣненій.

Отъ кофейничьихъ лужоничихъ,
Отъ разливу малыхъ чашочекъ.
Какъ до этого Господня Божья утрешка
Я ставила самовары золоченые
И кофейнички лужоны,
И разливала малы чашечки,
И пошла я гостей да приходящихъ.
Но сегодняшнимъ Господнимъ должимъ утрешкомъ,
На веселья мои желанные родители
Избываютъ меня, бѣлой ледубешки.
Сего денечка Господняго
У моихъ да у желанныхъ родителей
Принаставлено къ столамъ да дубовымъ
И стряпушки-распорядчики,
И къ разливу малымъ чашечкамъ разнощички.
Вы послушайте, желанныи родители,
Вы приставьте-тео свѣтлымъ мылымъ подружкамъ,
За ключевою сходите водушкой—
Мнѣ размѣть да сего дня Господняго
Свое лучишко бумажное 1).
Вы идите-тко, свѣтныи милыи подружки,
Ко крутому красну берегу
И почерпните-тко ключевой свѣжей водушки,
И принесите-тко ко мнѣ, подпевольной красной дѣвушки.
Что-то долго заходились свѣтныи милыи подружки,
Застоялися съ остудничкомъ съ чужателемъ,
Со младымъ сыномъ отендимъ разговорамъ занимаются.
Имъ сулитъ да младъ отецкой сынъ,
Сулитъ штофику разубористаго,
Поголевой (?) парчи сулитъ да по парчовичку,
На младыи головушки онъ по розовой косыночки,
Во русия волосонья онъ по алой сулитъ ленточки;
Онъ еще сулитъ, младъ отецкой сынъ,
На рѣзьяхъ ноженъихъ чулочники шелковыи

1) То есть, бѣлое какъ бумага.

И башмачики козловыи.
А п вы, совѣтныи милыи подружки,
Не измоу я лица бѣлаго
Сего дня Вожья Господняго.
Манитѣ меня, совѣтныи милыи подружки,
И въ обманъ да дѣло дѣлаете:
Вы берете отъ млада сына отецкаго
Изо многихъ чесныхъ дорогихъ подарочекъ —
Смѣты нѣту въ золотой казны безчотной —
Вы берете всякихъ сладкихъ напичочекъ,
Сахарныхъ закусочекъ.
Нунь посю я васъ, совѣтныи милыи подружки,
Покажу я вамъ путь долинную дороженьку:
Ей, сходите-тко вы на Лодейно чистю полюшко,
На Лодейномъ на полюшки
Три подкочные колодца,
Тамъ срубочки да серебра,
Почернущечки есть золочоныи, —
И зачерните-тко ключевой свѣжой водушки.
Что-то долго совѣтныи милыи подружки заходились,
Въ растаняхъ вѣрно они да замѣшались,
Во лѣсахъ да заблудились,
За перевозами они да застоялись.
Нунь пришли совѣтныи милыи подружки
Со ключевой пришли они со водушкой:
Покажите-тко, совѣтныи милыи подружки,
Вы подайте-тко въ бѣлыи мои ручушки
Ключевую свѣту водушку —
Миѣ взмытъ да лицо бѣлое.
Манитѣ меня, совѣтныи милыи подружки,
Эта водушка мучоная,
Эта водушка брожоная,
Не измоу личика бѣлаго
Какъ по этому по чистому по полюшеу,
Какъ ѣздитъ младъ отецкой сынъ
На своемъ да на добромъ конѣ;

Онъ во первомъ во колодецѣ
Нашоплъ да коня добраго —
Стала водушка мучоная,
Стала водушка брожоная.
Онъ во другомъ во колодецѣ
Помочилъ да плѣтку шолкову;
Онъ во третьемъ во колодецѣ
Самъ испушалъ ключевойи воды.
Не измоу лица бѣлаго
Сего дня Вожья Господняго
Этой водушкой мучоней,
Этой водушкой брожоней.
Вы сходите-тко, совѣтныи милыи подружки,
Хоть дѣльна путь широка дороженька
Ко славному ко Питеру,
Ко царю да въ зеленой садокъ;
Какъ у царя да въ зеленомъ саду
Три колодца подкочныхъ,
Въ нихъ срубочки серебряныи,
Почернущечки въ нихъ да золоченыи,
И замочки положены окованыи,
Сторожа поставлены тамъ вѣрныи.
Доложите-ка, совѣтныи милыи подружки, —
У сторожовъ-то вы да вѣрныи
Почерпнуть вамъ ключевой да водушки.
Что вы долго заходились, совѣтныи милыи подружки,
Въ растаняхъ да замѣшались,
Во лѣсахъ да заблудились,
И за перевозами застоялись.
Подшли милыи совѣтныи подружки,
Подшли да со ключевой свѣжой водушкой.
Покажите-тко невольной красной дѣвушки;
Вы подайте-тко на бѣлыи мои ручушки.
Манитѣ меня, совѣтныи милыи подружки:
Все вѣдъ водушка мучоная,
Все вѣдъ водушка брожоная.

Тамъ-то ѣздилъ дочь царская
На своемъ ли на добромъ конѣ,
Прогулывалась она въ зеленомъ саду,
Въ первомъ колодцѣ наполнила коня добраго,
Какъ во другомъ во колодцѣ
Помочила плетку шолову,
И во третьемъ во колодецѣ
Сама искала ключевой водѣ—
Стала водушка мучоная,
Стала водушка брожевая;
Не измою лица бѣлаго.
Нушъ пошлю я васъ, совѣтны милы подруги,
Я на Свирь да быстрѣ рѣченьку.
На Свири да быстрой рѣченьки
Вѣжить водушка быстренько,
Несетъ водушку скоренько:
Не мутится ключева вода.
Тутъ почерпните-тко ключевой свѣжей водушки,
Принесите-тко ко мнѣ, подневольной красной дѣвушки,
Въ розстаняхъ да замѣшался,
Во лѣсахъ да заблудилися,
За перевозами да застоялися.
Подошли, совѣтны милы подруги,
Со ключевой со свѣжой водушкой:
Вы подайте-тко на бѣлы нунче рученьи,
Я приму возьму на бѣлы нунче рученьи
Я свѣжкую ключевую да водушку,
Я отъ миленькихъ совѣтныхъ милыхъ подругокъ,
Измывать да буду бѣлое свое личушко;
Эта водушка да не мучоная,
Эта водушка не брожевая;
Притрудила васъ, совѣтныхъ милыхъ подругекъ,
Ходячи по дальнимъ по сторонушкамъ.
Благодарю я васъ, совѣтны милы подруги,
За ключевую да свѣжу воду.
Принеси-тко, совѣтны милы подруги,

Мнѣ разшвлѣное тонкое полотенишко —
Утирать да надо было личушко:
Было вышито на разшвлѣномъ полотенишкѣ
И цари да со царицами,
Короли да съ королевами,
И съ полками да государевыми,
И съ русскими со военными,
И съ угрѣвнымъ краснымъ солннышкомъ,
И со свѣтлымъ со мѣсяцемъ,
И со частыми со звѣздочками.
Благодарю я васъ, совѣтны милы подруги,
На разшвлѣномъ полотенишкѣ.
Видно дѣвушка есть вѣшкольница,
Видно дѣвушки ученны
Есть при умныхъ желанныхъ родителей,
При разумной есть роды вы и племечки.
По вечеру невѣсту въ байну зовутъ; дѣвица отпираетъ дверь
и начиняетъ прилакивать говора:
Отворись-ка, дверь дубовая,
Какъ по гитничалъ бузатнымъ,
По этимъ ли петелкамъ шелковымъ!
Мнѣ воздать поклонъ, невольной красной дѣвушки,
Старушкамъ стародревнымъ,
Старикамъ отдать почтеннымъ:
Вы пожалуйста во телу парну баёнку,
Не чешитесь, ни побайдайтесь ¹⁾;
Ни про васъ да байна топлена,
И ни про васъ байна готовлена,
Ни про васъ да вода пошена:
Байна топлена, готовлена
Про совѣтну милу подругку.
Мнѣ воздать поклонъ, души красной дѣвушки,
Мнѣ вдовамъ благочестивымъ,
И солдатамъ горегорькимъ:

¹⁾ Не почесайтесь.

Вы покажите во теплу парну баенку,
 Ни чешитесь, ни побайдайтесь,
 Ни про вась-то байна топлена
 Ни про гась да вода попенал:
 Байна топлена, готовлена
 Про совѣтну милу поддружку.
 Мнѣ воздаѣ поклонѣ, души красной дѣвушки,
 Ко печеньки кирпичной,
 Ко большушки-распорядчикѣ:
 Вы покажите во теплу парну баенку,
 Ни чешитесь, ни побайдайтесь;
 Ни про вась то байна топлена,
 Ни про гась да вода попенал:
 Байна топлена, готовлена
 Про совѣтку милу поддружку.
 Нунь воздамъ поклонѣ, душа да красна дѣвушка,
 Въ полоней разореной задѣй угольѣ,
 Ко миленькой совѣтной моей поддружки,
 Къ подневольной души да красной дѣвушки.
 А вы покажите, совѣта мила поддружка,
 Во теплу парную баенку,
 Да во баенку умыванку.
 Истопила я тебѣ теплу парную баенку,
 Паготовила и износила
 Ключевой тебѣ я водушки.
 Ты послушай-ко, совѣтна мила поддружка,
 Я ни дровцами топлиза, ни польницами,
 Ни лучиной разжигала, ни сосновой.
 Я ходила во три чистыя во полюшка,
 Ципимала я три дренца кипарисныхъ
 И разсѣкала я на тридевять погнечокъ,
 Истопила тебѣ теплу парну баенку,
 Съ теплою парной вышла баенки
 На прогулку, на широку на улечку, —
 Какъ зазвонили колокольцы Питербургскіи,
 И прнаѣхалъ-то остудникъ, младѣ отечкой сынѣ,

Ко моеи ли теплои парной ко баенки;
 Онъ вѣдъ здѣся-тъ со мною, доброе здоровьече!
 Тебѣ Богъ помочь, душа да красна дѣвица,
 Ты пусти меня во теплу парну баенку,
 Впереди своей совѣтной милою поддружкѣ,
 Къ подневольной души да красной дѣвушки,
 И за мною ты бери да золотой казны бесчетной
 И честныхъ дорогихъ подарочекъ.
 И ни на что да ни позарилася,
 А и ты миленька совѣтна мила поддружка,
 Нунь пойдете-тко во теплу парну баенку,
 Во мою ли да умываленку.
 А и ты, миленька совѣтна мила поддружка,
 Ты проси иньче у родители, у матушки
 Ты шелкова парна вѣничка
 И мыля съ умывальными;
 Проси тачичкоѣ теперь да золоченихъ
 И тонку бѣду просите нунь рубашечку,
 Хоть худеньку проси за перемпochку.
 Воскорнителъ мой, родитель, сударь-багюшка,
 Я спрочу тебя, невольна красна дѣвушка,
 Промощени ль у тебя мостички дубовыи
 Отъ крылечушка персаго-ко теплои парной баенки,
 И ставлены ль у тебя столбики точеныя,
 И положены ли у тебя говозочки золоченыи,
 Понавѣшены ль занавѣсточки шелковыи,
 Поразосланы по мостамъ до по дубовымъ
 Суковца одинцовыи,
 Чтобъ башмачки мои да ни грезнились,
 Чулочни мои да ни марались;
 Да и любимыхъ сердечныхъ повозничковъ ¹⁾
 И вѣрныхъ сторожителей,
 И надѣжныхъ провожателей,
 Чтоби сберегли да мою волю-волюшку,

¹⁾ Провозничковъ.

Сего дня Господняго
 Отъ осудничья, млада сына отецкаго.
 Потомъ приходитъ невѣста съ байны:
 Благодаря тебя, совѣтна мила подружка,
 Что истопила теплу парную банку:
 Я мыла свою вольную волюшку.
 Благодаря я васъ, свѣтушки-братцы родимы,
 Что сберегли да мою вольную волюшку.
 Улетите-тко, совѣтны млыя подружки,
 Мою вольную волюшку.
 Вы улетите-тко мило мою русую мою косманку,
 Залетите-тко, совѣтны млыя подружки,
 Во мою русую во косанку,
 Въ коремьхъ вилетите-тка саблю воструу,
 А ополу косу вилетите мою косанку
 Круглое малое озершко,
 На конецъ вилетите моей русой косанки
 Востры ножички булатны
 И накладите-то колчужнхъ булавочекъ.
 Какъ сегодняшнимъ Господнимъ долгимъ денечкомъ
 Принаступитса осудничь, младъ отецкой сынъ,
 На мою то дорогую волю бажоную,
 Расплетать-то станеть вольной волюшки,
 Разрушатъ то станеть косоплеточекъ,
 Онъ наколетъ ручки бѣлыя
 И обрѣжетъ ручки бѣлыя
 Во ножички булатны;
 До полу дойдетъ моей волюшки до круглой,
 До малаго озеришка,
 Приутпе въ кругю малое озеришко,
 Призмочитъ свои цѣпты платьица, —
 Тутъ отступитса отъ вольной моей волюшки,
 Станеть по полу похаживать,
 Ручками бѣлыми помахивать,
 Станеть тряпочекъ поправивать,
 Вѣлыхъ ручушокъ завязивать,

Цѣпты платьица изсунивать.
 Позабудетъ мою вольную волюшку, —
 Пристанусь во своей воли бажоной,
 У своихъ да у желанныхъ родителей.
 Въ назначенный день съ обнхъ сторонъ созываютъ родственниковъ и съѣзжаются къ невѣстѣ.

Съ поѣздомъ ѣдутъ къ невѣстѣ; дружки ѣдутъ впереди и приѣзжаютъ къ невѣстину дому прежде поѣзда, и поколотитса подъ окномъ: „Есть ли, есть ли въ семъ домѣ живущемъ, во свѣтлой свѣтлицы, во столовой горницѣ книгыни молодой батюшко родной *такой то?* Если спитъ, такъ пробудите; куда ушелъ, такъ поищите и къ намъ сюда его приведите. Здорова ли у васъ книгыни молодѣ? А нашъ молодой князь низко кланяется, а до книгыни молодой добирается. Есть ли у вашей книгыни молодой про нашего князя свѣтлыя свѣтлицы, столовыя горницы, столки дубовые и стулчички кленовыя, ложечки серебряныя, самоварички золоченыя и кофейнички луженые, про коней конюшни, про шлею сарап, коньякъ сѣна по ушей, а ослана по хвосту?“ Отецъ невѣсты выходитъ и говоритъ: „Все найдется для васъ, будетъ точно въ самый разъ!“ Тогда дружекъ подчиваютъ водкой съ закуской — притомъ и говорятъ въ отвѣтъ: „Наша книгыня молодѣ добра-здрава; князю молодому низко кланяется и всѣму княженецкому поѣзду“.

Потомъ дружки приѣзжаютъ съ поѣздомъ на отдѣльную квартиру и идутъ во второй разъ къ невѣстѣ на домъ; а тамъ, у невѣсты, избранъ староста и посаженъ за столъ. А тутъ дружки говорятъ: „А кто у васъ за столомъ сидитъ?“ Староста отвѣчаетъ: „Я избраный красныя дѣвущками и молодыма молодущками, хозяйномъ посаженъ и пополу заключенъ“. Тогда дружки подносятъ старостѣ водки; староста выпьетъ и самъ говоритъ: „А вы какъ могли въ нашъ домъ господской пройти? У насъ были у воротъ приворотнички, а кто у дверей придвернички, а у крыльца были собачки самоѣдскія)“. Отвѣчаютъ дружки: „А мы ѣхали путемъ-дорогомъ, дичины настрѣляли и кобелямъ подарили, а кобели насъ и пропустили; а придверничковъ и приворотничковъ да и столничковъ зо-

1) Въ смыслѣ вѣдѣхъ, никого не пропускающихъ.

лотомъ и серебромъ подарили, и они насъ и пропустили". А староста говоритъ: „А у насъ княгиня молодой дома нѣтъ, уѣхала прогуливаться — ни знаемъ куда". Дружки говорятъ: „А нашъ князь молодой ѣздилъ прогуливаться по чистому полю, и она его увидала и весьма испугалася, и домой ворочалася: надо бить ей при домѣ". Староста говоритъ: „А наша княгиня прѣѣзжала домой и повернулася бѣлой колицей и улѣгла". Тогда дружки говорятъ: „А нашъ князь молодой въ это время ходилъ за охотою, стрѣлялъ гусей и бѣлыхъ лебедей и добрался до бѣлой колицы; а ваша княгиня молода услышала громкой выстрѣлъ и весьма испугалася и домой ворочалася: должна она при домѣ быть". Тогда староста говоритъ: „Когда вы много знаете, то можете ли знать морскую глубину и небесную вышину?" Тогда дружки говорятъ: „Ни рѣчь выше ума начинаете, а Христу ими знаете ли?" Тогда староста говоритъ: „Наша княгиня молода добра-здорова и при домѣ находится, князю молодому низко кланяется и даритъ васъ, дружекъ, вѣрнихъ служекъ!" И подарить ихъ полотенцемъ и связкуъ черезъ плечо, и такъ ходитъ. А потомъ ихъ приглашаютъ въ гости и садятъ за столъ и подчиваютъ — у кого чтѣ прина-сено.

Потомъ подводить невѣсту къ столу; тутъ она начинаетъ при-читывать:

Пораздвѣньтесь-ка, народъ да люди добрини,
 На двѣ, на три, на четвѣ на сторовушки,
 Мнѣ пройди было, невольной красной дѣвушки,
 Во почесной да большой уголь,
 Ко столамъ да ко дубовинымъ,
 Ко гостямъ да незнакомымъ.
 Чтѣ за дѣвушко во почномъ больномъ углу удивилоса?
 Во родительскомъ во почотномъ во больномъ углу
 Зима стоитъ да студеная,
 Со крещенскими да морозами.
 Подошло сюда да сне морюшко
 Во почетный да во большой уголь,
 Сне море стоитъ да со пристанями,
 А пристани-то стоятъ да съ кораблями,

Съ полотняными стоятъ парусами,
 Со товарами стоятъ да съ дорогами,
 А за столомъ сидятъ распочесни,
 Честны гостини,
 Со женами сидятъ да со молодцами,
 Со дочерями сидятъ да со хорошима.
 Мни велья пройди-придвинутися
 Что ль ко столычку мнѣ да ко дубовому;
 Супротивъ мни, невольной красной дѣвушки,
 Стоитъ стѣнушка городова
 И ледника съ лѣсомъ съ темнымъ:
 Мни спроситъ надо, невольной красной дѣвушки,
 У млада сына отцаго
 И у расказа-свата большаго,
 И у гостей да незнакомыхъ:
 Вы куда, гости, поѣхали,
 А вы чтѣ, гости, провѣдали;
 Здѣсь нѣтъ праздничка Господняго,
 Нѣтъ погостовъ здѣсь столбовныхъ,
 Нѣту уллицокъ рядовныхъ,
 Нѣту лавочокъ торговныхъ,
 Нѣту сиваго здѣсь морюшка,
 Нѣту пристаней у насъ да корабельныхъ,
 Нѣтъ проливовъ съ синихъ морюшекъ.
 Опознала я нынѣ-теперъ да красна дѣвушка,—
 Видно быть дѣлу неплохому.
 Быть кружку да молодецкому,
 Поѣду княженецкому,
 Видно быть брудгамъ боарнымъ,
 Видно быть князю молодому.
 Я спрошу теби, да млада отецкй сынъ:
 Что стоитъ стѣна теперь да городона,
 А ледникушка стоитъ да съ лѣсомъ темнымъ,
 Восприимчицокъ крестовой стоитъ батюшка,
 Восприимчицка крестова стоитъ матушка,
 Ледника съ лѣсомъ темнымъ,

Со породушкой стоить родовитой,
 Со сестрицамъ стоять да со родимымъ,
 Со тетюшками стоять да со братушками,—
 Ты чѣмъ станешь дарить, младъ отецкой сынъ,
 Породушку мою да родовитую?
 Я скажу тебѣ, младъ отецкой сынъ,
 Тебѣ чѣмъ да дарить надо:
 Во первыхъ, дари, да младъ отецкой сынъ,
 Родителя да батюшка,
 И ввторыхъ, дари родитель мою матушку:
 А родителя дари-тко моего батюшка,
 Тулупчикомъ дари снотовымъ,
 А родитель мою матушку
 Сапожками ты да вѣдь сафьянными,
 А восприемчица крестового батюшка
 Дорогимъ дари сукномъ да одиновымъ,
 А крестовую мою матушку
 Дари штофчикомъ ты да разузористымъ,
 Мою породушку всю даровитую
 Дорогимъ ситцемъ да Еяицажскимъ,
 А свѣтлыхъ милыхъ подружкохъ
 Дари розовыми косночкамъ.
 То не то стѣнушка да поразстроится,
 А и леднишка да пораздвинется,
 Красна дѣвица къ дубову столу придвинется.
 Вы пожалуйте подносы золочены
 И со хрустальными со свѣтлыми со рюмочками.
 Ты возьми теперь, восприемщикъ, кресной батюшко,
 Тѣ графини съ зеленымъ виномъ
 И со сладкою со водочкой,
 И наливка-ка ты, восприемщикъ, кресной батюшка,
 Во хрустальни свѣтлы рюмочки;
 Я буду подчивать, невольна красна дѣвушка,
 Этыхъ гостюшковъ незнакомныхъ:
 Испей, выкушай пожалуйста
 Малу чару зелена вина;

Обойдти-ка мнѣ не можно,
 А покориться мнѣ ни хочется
 Тебѣ, князю именитому,
 Человѣку пренеплому.
 Становитесь нинь пожалуйста;
 Встань на ноженки на развыи,
 На сапожки да на козылны;
 Изволь выкушать—пожаловать
 Малу чару зелена-вина
 Отъ княгинушки поручной:
 Есть не горько зелено-вино,
 Сладкимъ медкомъ поливано,
 Вѣдлимъ сахаромъ пощасано.
 Расخورшая ты есть ягодиночка,
 Расخورшій, расприумной доброй молодець;
 Твои желтые кудерушка,
 И по всякой волоспички
 По скатной по жемчужницѣ,
 Твои бровушки черна соболя,
 Твои очи ясна сокола,
 Вѣлота въ лицѣ бѣла да свѣгу бѣлаго,
 Красота была солнца краснаго;
 Ты сидишь—будто свѣца горитъ;
 Твои рѣчущи да уменъли,
 Разговорущи твои да виселашеньки,
 И походочка твоя да цепеглявая:
 Подойти мнѣ во расклязу-свату большому,
 По суду вѣдь по Божьему —
 Ко младу спану отецкому:
 Восприемщикъ, кресной батюшко,
 Тебѣ Богъ судить, расказъ да самъ-большой,
 Свать-разортель ты краснимъ дѣвушкамъ,
 Погубитель нашимъ вольнымъ-волюшкамъ;
 Тебѣ Богъ судить, да расказъ—большой свать;
 А на полѣ бы росло у тебя да со меглицею,
 На гумнѣ да со торпцею,

А на дворѣ да скотъ рогой не плодился бы.
 Изволь выкушать нивыче да пожаловать
 Малу чару зелена-вина
 Отъ княгини—меня—поручоной:
 Есть не горькое у насъ да зелено вино,
 На медку вино развожено,
 Сахаромъ вино посыпано.
 Мой поклонъ да понизешенекъ,
 Дубоваго стола гостлицы,
 Молодого князя брудгушка;
 По суду да вѣдь по Вожьему,
 По младу сыну отецкому
 Воспринемна крестова приидеть матушка;
 Стань на ноженъи на рѣзвни,
 На чулочки на шелковѣи,
 На бшмачики на козловыи.
 Изволь выкушать нивь пожаловать
 Малу чарочку зелена вина:
 Есть негорько зелено вино,
 Сладкимъ медкомъ поливано,
 Вѣлимъ сахаромъ посыпано.
 У крестовой моеи матушки
 У ней бровки черна соболи,
 У ней очи ясна сокола.
 Вѣлотушка спѣжка блага,
 Краса-баса солнца красного.
 Походочка щепетливая,
 Разговорушки угливыи,
 Прирозумныхъ родителей,
 Прикоршаго роду-племечка.
 Воспринемничка, крестова матушка,
 Быть заступушка по мнѣ да заборонушка
 На остудушки на чужой на сторонушки.
 Мой поклонъ да понизешенекъ
 Всему кружку нивь да молодецкому,
 Всему поѣзду нивь да княженецкому.

Брудгамъ-то вамъ да всѣмъ боярынямъ.
 Ты гляди же нивь, да младъ отецкой сынъ,
 Со кружкомъ да молодецкимъ,
 Со всѣмъ поѣздомъ да княженецкимъ,
 Со породушкой да именитой,
 Съ воспринемничкой крестовой,
 Гляди — съ матушкой,
 Чтобъ послѣ тебя да ни спокоется,
 Не гнѣвить мня, невольну красну дѣвушку,
 И не стидитъ бы лица блага.
 Ты гляди-тко, младъ отецкой сынъ:
 Я тонка быдтѣ тевичка,
 Зелена быдто тровничка,
 Я станомъ ни становитая,
 Красотой ни красовитая;
 У меня, у красной дѣвушки,
 Ко стулу да ко дубовому
 Было росту принаставлено,
 Толщины было прибавлено,
 Красоты въ бѣло лицо принакладено.
 Вы глядите-тко, смотрите красну дѣвушку,
 Чтобъ опослй вамъ да ни покается.
 Когда отъ стола невѣсту поведутъ, она причитываетъ слѣдующее:
 Я ни въ зеленомъ саду да побывала,
 Не молоковую траву потоптала,
 Не лазоревы цвѣты да сорывала,—
 Побывала я во почесномъ во большемъ углу
 И постоила у столовъ да у дубовыхъ
 И поглядѣла я на млада сына отецгаго.
 Три грозы мнѣ придалъ младъ отецкой сынъ,
 Три великия:
 Перу грозушку далъ превеликую —
 Взглянулъ глядушкомъ невеселымъ;
 Другу грозушку далъ превеликую —
 Опъ вздохнулъ да тяжелешенько;
 Третью грозушку далъ да превеликую —

Прижалъ онъ мою бѣлу ручушку,
 Изломалъ на правой ручьки золото кольцо.
 Какъ со этого со страху-переполоху
 Подломилъсь мои рѣзвыи ноженьки,
 Подражали мои бѣлыи рученьки
 Со этыма подносами золочоньма,
 Со малыма со виньныма со чарочкыма —
 Зелено вино по подносу разливалось
 По моему по цвѣтному портищецкы,
 По золоту манищецкы,
 Мое цвѣтное портищецко
 По швамъ да расшивалоса,
 Мое золото манищецко
 По паямъ да распаялоса,
 Скатины жемчужки мои да перебрали
 По жемчужинки они да раскатилися,
 Красотушка-басотушка
 Съ бѣла личика потырилася.
 Вы желаннне мои родители,
 Мнѣ-ка трои, люди, надобно:
 Мни-ка перво, люди, надобно —
 Сшить мнѣ цвѣтное платьицо,
 А мни-ка друго, люди, надобно —
 Спантъ золотѣ манищецко,
 А мнѣ-ка третье, люди, надобно —
 Собрать скатины мелки жемчужки,
 Садить сѣточка жомчужная,
 Мнѣ еще да красной дѣвушки
 Класть краса-баса-угомество
 Во свое бѣло личушко.

Затѣмъ невѣста „отдаетъ волю“ и притомъ причитываетъ такъ:

Ты прости, прости, разореной задній уголокъ,
 Затлушка, прости, да снаи завѣска,
 Вы окончыи, простите-тко, стекольчаты,
 Вы простите-тко, косивчаты окошечки,
 Вы простите-тко, брусовы бѣлы лавочки,

Гдѣ сидѣла подневольна красна дѣвушка —
 У своихъ у желанннхъ родителей;
 На брусовой бѣлой лавочки
 Я за пиямъ сидѣла за точоньма,
 За тамбурушкой сидѣла золоченой,
 Гдѣ сидѣла жалки пѣсенки,
 Спотышала я волю вольную.
 Соберитесь-ко, любимы сродцы-сродники,
 Мои милыи желаннне родители,
 Ко разлукушки по вольней пойдемъ волюшки,
 Буде здынутса, желаннны родители,
 Ваши бѣлыи ручушки
 Разрушать моихъ да косоплеточекъ,
 Вынимать да моихъ алыхъ ленточекъ,
 Разлучать-то меня съ вольной волюшкой, —
 Ни отдамъ-то я вамъ, желаннны родители,
 Своей вольной волюшки.
 Вы, родители теперь да престарѣлыи,
 Потеряете, оброните волю вольную;
 Мы пойдемте на крылечушко переное,
 На широкую на улочку, —
 Пусть полетитъ моя вольная волюшка:
 На остудушку лети на чужую сторонушку,
 Ты за горушки лети за высокиа,
 Ты за лѣсушки лети за дремучиа,
 За Опегушка лѣти за широкиа,
 И ко славному лети да ты къ Питеру,
 Ко бурлакушкамъ лети да Петербургскимъ;
 Путь-ка волюшка моя да покрасуетса.
 Ты еще лети, да моя вольная волюшка,
 Ты въ Кронштадтѣ лети къ солдатамъ государевымъ,
 Какъ солдатюшки да новобранчи
 Подъ неволюшкой живутъ да подъ великой,
 Подъ грозой живутъ да ни подъ малоей, —
 Приставлю я свою волю божекую
 Я у этыхъ у солдатовъ государевыхъ:

Ты живи-тею, моя вольная волюшка,
На ихъ да приберегушки;
Сберегайте-тею мою вольную волюшку
Вы, солдатухи государевы.
Потеряла, обронила волю вольную!
Мнѣ пойдти во хоромное строенъцо,
Мнѣ-ка взять-то прощеньцо со благословеньцомъ
У желанныхъ моихъ родителей.

Послѣ воли, жениха и невѣсту въ сѣняхъ сводятъ въ одно мѣ-сто, и говорятъ жениху вопиенца: „Вотъ тебѣ тетерька ни щипле-ная; самъ тереби, а отъ людей береги“. Тогда женихъ беретъ невѣсту за волосы и три раза повернетъ и поцѣлуетъ. Послѣ приходятъ въ домъ и садятъ жениха и невѣсту на подушку; и говорятъ: „садили на квашию“. Потомъ ѣдутъ къ вѣнцу въ цер-ковь. Когда изъ церкви привезутъ молодыхъ, то встрѣчаютъ ихъ съ преснымъ молокомъ на ступеняхъ или на лѣстницѣ; поятъ ихъ молокомъ и роютъ или бросаютъ чрезъ молодыхъ житомя, и бла-гословляютъ иконою. Потомъ сокрутятъ, посадятъ за столъ, — и бьвають тутъ хвалени (то есть, снимаютъ фату съ молодой) и подарки со стороны невѣсты. Дружка прилекиваетъ къ столу — въ началѣ отца: „Часть, перечастъ, призамолкните! Часть, красны дѣвицы, молодыя молодичи, горшечныя пагубищи! Есть ли, есть ли въ семь домѣ живущемъ у князя молодого батюшка родной имьрекъ. Если—нѣтъ, такъ поинщите; куда ушолъ—такъ поинщите; а если спитъ, такъ разбудите и къ князю молодому къ столу при-ведите“. Тогда приходитъ отецъ къ столу, и даритъ отца невѣста подарками; также и мать, и сродниковъ. Потомъ за здравіе ново-брачныхъ бьваетъ попойба — у кого что принасаеся.

Свадьба всякая производится со опускомъ, то есть, съ колдов-ствомъ, и то рѣдкую свадьбу чуть не испортятъ: дѣлаютъ надъ новобрачными надъ сѣмена, то есть, портятъ, отнимаютъ дѣйство. А власти наши не обращаютъ на это никакого вниманій.